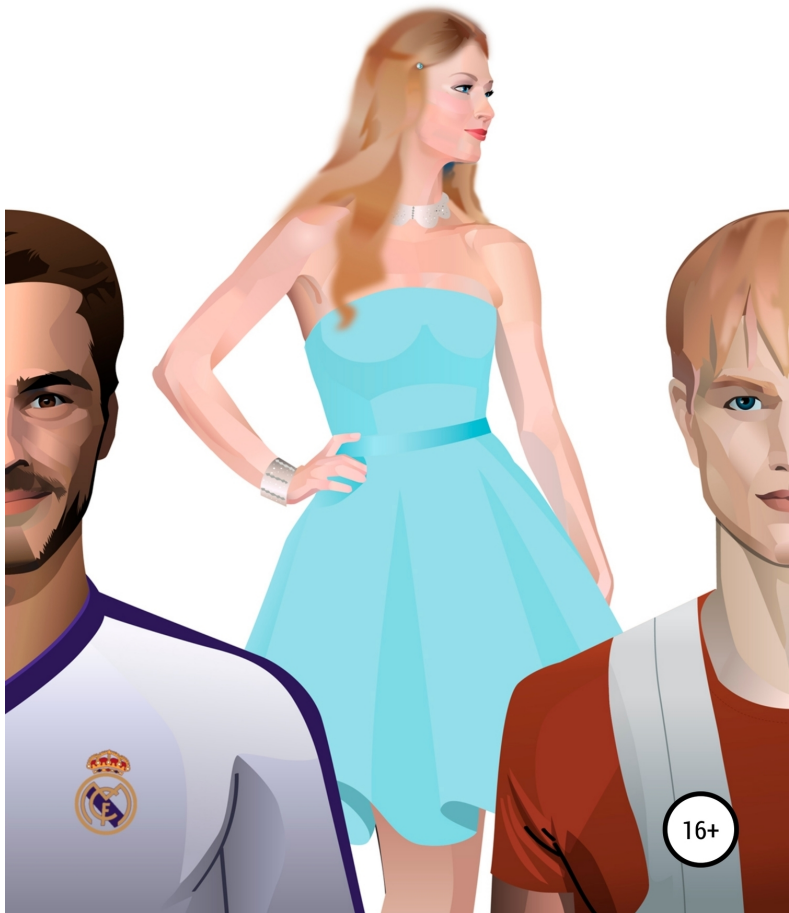

Avantage,

или Пляска оптимизма

Адмир J.K.

16+

Адмирал J.K. Avantage, или Пляска оптимизма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51672848

SelfPub; 2020

Аннотация

Фееричный коктейль из любовных интриг, настоящей дружбы, банковской аферы, авантюрной богемной жизни, которую «взрывает» противостояние с бандитами. Виктория Вайдман принимает условия жизни, «созданные» ее другом писателем Глебом Жуковым, чтобы достичь главной цели – любви и стабильности. Но жизненные сложности дают шанс каждому проявить себя с неожиданной стороны. Приведет ли череда авантур к желаемой цели или это дорога в пропасть? Ждать милостей от судьбы или рассчитывать только на себя?

Содержание

Часть I	4
Глава 1. Могло быть иначе	4
Глава 2. Наперегонки с правосудием	10
Глава 3. Тигровые креветки и футбол	15
Глава 4. Iberia	29
Глава 5. Никогда не знаешь, что произойдет завтра	39
Глава 6. Любовь, Реал Мадрид, белый паук и мышонок	65
Глава 7. Like a virgin	87
Глава 8. Девой или замужней?	113
Глава 9. Viva la victoria![6]	123
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Часть I

Глава 1. Могло быть иначе

Поправляя волосы, Виктория, голубоглазая девушка двадцати пяти лет, одетая в белое коктейльное платье, старательно вглядывалась в свое отражение в зеркале. В дамской комнате был слишком приглушенный свет, и она никак не могла понять, хорошо ли подвела помадой свои красивые, пухлые от природы, а не наполненные силиконом, как думали некоторые, губы.

– То есть, ты хочешь сказать, что правильной было бы отказать ему, потому что я переписываюсь с крутым чуваком с Уолл-стрит? – громко сказала она, повернув голову в сторону кабинок.

– А зачем тебе этот автомобильный обозреватель? Пусть даже и в «Робб Репорт», – слышался шум воды, и из кабинки вышла изрядно захмелевшая Агния.

– Да ты не понимаешь, – Виктория раздраженно вытерла салфеткой губы и вновь принялась за макияж. – Он просто хороший, – произнесла она с придыханием, вкладывая в это заурядное слово большую значимость.

– Хороший! – с ехидной гримасой повторила Агния.

– Агния, перестань, – одернула ее Виктория. – Все, я по-

шла, – она положила помаду в сумочку и направилась к выходу.

– И что дальше? – бросила вслед подруга.

Виктория обернулась, – Дальше? Не знаю. Если он окажется не таким уж хорошим, укачу в Нью-Йорк, – она кокетливо закрыла глаза и засмеялась.

Обаяние Виктории Вайдман можно было сравнить, пожалуй, со шлейфом дорогих духов. Его нельзя было не заметить. Многие с завистью говорили, что у нее изящная фигура фотомодели, и она охотно с этим соглашалась. Ее волнистые крашенные локоны время от времени меняли цвет от опавшей листвы до белого золота, что всегда гармонировало с ее нарядами и настроением. Любимым местом, где она сжигала ненавистные ей, хотя и не заметные другим калории и (как она думала) собиралась с мыслями, был фитнес-клуб «Dr.Loder» на Остоженке. И, конечно же, как любая современная молодая, успешная в профессии женщина, она не могла жить без шопинга.

У барной стойки ее с нетерпением поджидала Ева.

– Что вы так долго? – она допивала безалкогольный мохито и все время поправляла на плече постоянно съезжавший ремешок от сумочки. – Устала я тут торчать, а вон тот, с бокалом в руках, пялится на меня весь вечер, но никак не решится подойти, – показала она незаметно на стоящего неподалеку парня.

Виктория посмотрела на молодого человека снизу вверх

и к удивлению подруги направилась к нему.

– Привет! – бросила она и как бы непринужденно стала осматриваться вокруг, ожидая ответа от белокурого пижона в стильных джинсах и коричневой кожаной куртке.

– Привет! – ответил тот, вопросительно глядя на нее.

– Моя подруга говорит, что это не совсем правильно стоять и смотреть как ты. Ну, будто человек в замешательстве и не имеет опыта знакомства с девушками, – нескладно, скороговоркой произнесла Виктория, посмотрев украдкой в сторону Евы, которая недовольно что-то рассказывала подошедшей Агнии.

– А как правильно? – спросил он, нарочито рассеяно отпивая из бокала.

– Она не знает. Говорит, что так смотрят, задумав что-то нехорошее, когда не хватает смелости просто подойти и сказать девушке «Привет».

– С каких это пор, если парень просто смотрит на девушку – это значит, что он недостаточно смелый? – несколько рассерженным тоном спросил он.

– Не знаю, – пожала плечами Виктория. – Может, комплексы какие-нибудь? По крайней мере, она так сказала.

– Комплексы? Да вы девушка, слишком много о себе думаете, – в глазах парня промелькнула ирония.

– Не знаю, я всего лишь хочу понять, кто из вас прав.

– Как бы там ни было, ваша подруга, как, впрочем, и вы меня пока не заинтересовали, – произнес он и залпом допил

бокал.

Виктория не отчаивалась и решила продолжить наступление:

– Странно, вроде, я не говорила, что вы меня интересуете, почему вы со мной так разговариваете?

– Но и я ничего такого не делал, чтобы мне приписывали какие-то комплексы, – буркнул тот.

– Боже, я всего лишь хотела поболтать! – обиженное лицо Виктории было очень естественным. Отодвинувшись, она позвала бармена и краем глаза увидела, что парень приближается к ней.

– А что пьешь? – вдруг обратился он на «ты», чему Виктория обрадовалась – опыт подсказывал, если парень перешел на «ты», значит, готов к более близкому знакомству.

– Мне не особо нравится алкоголь, если только это не бокал мерло, – кинула она быстро через плечо.

– Я угощаю, – тон красавца смягчился. Виктория пожала плечами, делая вид, что особо не напрашивалась.

– Что, если мы присоединимся к моим подругам? – внезапно спросила Виктория, явно рискуя – ведь он мог отказаться или вообще ретироваться. Однако он согласно кивнул. Заказав мерло себе и очередной мохито Агнии (естественно, за счет красавца, которого, как оказалось, зовут Павел), Виктория заспешила на танцпол, сказав, что звучит ее любимая песня, и потянула за собой Агнию.

– Красивый парень! – почти выкрикнула Агния из-за

громкой музыки.

– Да! – подтвердила Виктория. Она двигалась очень пластично, а ее красивые ноги привлекали взгляды всех танцующих вокруг мужчин. Прекрасно понимая это, она старалась двигаться еще сексуальней, делая изящные и завлекающие па.

Какой-то парень приблизился к ней, двигаясь довольно грубо и неловко. Его пьяное лицо выражало удовольствие, и по всему было видно, что ему нравится, как он танцует. Через некоторое время он положил руки на талию Виктории, и она тут же сделала знак Агнии отступать. Они незаметно выскользнули из толпы танцующих, и побежали к барной стойке, но Евы и Павла там уже не было. Они сидели в углу и, видимо, найдя общую тему, бурно обсуждая ее.

Виктория облокотилась на барную стойку: – Я же говорила – они понравились друг к другу.

– А я говорила, что мне хватит, я уже перепила, – ответила Агния и вынула кошелек. Виктория озабоченно остановила руку подруги с деньгами. Та умоляюще произнесла икнув: – Последняя!

Вдруг Виктория поймала на себе заинтересованный взгляд симпатичного парня. Она ответила коротким, но многозначительным взглядом, говорящим о взаимном интересе, и он, не мешкая, решительно пошел к ним.

– Я – Эвелина, а это моя подруга – Настя, – вдруг объявила Виктория.

– Меня зовут Карэн, – ответил парень кавказской национальности.

Пересказывать их диалог не стоит, тем более что это был не тот человек, с которым Виктории хотелось бы строить серьезные отношения, однако он вполне соответствовал ее критериям о мужественности и красоте мужчины.

Глава 2. Наперегонки с правосудием

Глеб Жуков торопливо бросал самое необходимое в чемодан. Хорошо хоть свой маленький СМАРТ он оставил у Артема. Во дворе дома его уже ждало такси, чтобы отвезти в аэропорт. Он огляделся по сторонам: дорогая техника, кожаный диван. Полежит ли он еще когда-нибудь на нем после работы, по привычке не разуываясь, чтобы послушать музыку и подумать о сюжетах новых романов?

Взгляд упал на диски. Торопливо подходя к полке, он начал просматривать любимые альбомы джазовых артистов. Первыми на глаза попались диски Дайаны Кролл. Эти он возьмет в дорогу, остальным просто нет места, как и времени, – подумал он, глядя на часы. С минуту на минуту должна нагрянуть ФСБ! Кинув диски в сумку, он взял чемодан и решительно присел перед дорогой. Почему сначала все складывается хорошо, а потом летит ко всем чертям. Теперь придется попрощаться с Москвой и бежать, бежать!

Осмотревшись по сторонам в последний раз, он взял две небольшие сумки с бумагами, книгами и всякой мелочью, схватился за ручки двух огромных чемоданов, в которых поместилось, конечно, не все, что хотелось бы взять с собой, но самое необходимое – одежда от Gaudi, средства гигиены. Наконец, повесив на плечо сумку Salvatore Ferragamo из крокодиловой кожи для незаменимого ноутбука с только что за-

конченным романом, он повернул ключ в замке.

Динамичные события последних дней заставили Глеба спешно покидать любимую квартиру. Все, что он задумывал до этого – удавалось. Однако уж больно Глеб был самоуверен, и вот по собственной глупости его успешную и безбедную жизнь занесло на вираже.

«Жадность фраера сгубила». Но жалеть себя было некогда, нужно уносить ноги немедленно, и чем скорее, тем лучше. Он с трудом вынес вещи за дверь. Хорошо хоть водитель попался понятливый и энергично забросил чемоданы в багажник.

Глеб Жуков работал пиар-менеджером в крупном московском банке "Russian Investment Commercial Bank", имеющем большую сеть филиалов не только в России, но и в странах СНГ. Перспективный молодой человек регулярно предлагал руководству амбициозные проекты. Сюжеты рекламных роликов, в которых он реализовывал свои креативные идеи, вызывали одобрение сотрудников маркетингового отдела. А Алена, главный маркетолог фирмы, вовсю нахваливала рекламную стратегию, которую он недавно успешно презентовал руководству.

Три месяца назад он закрыл ипотеку на свою квартиру, оформленную его же банком с минимальными процентами, часть денег дал отец – для молодого парня обзавестись квартирой в Москве было большим достижением. Кроме этого, он закончил свой первый роман и подбирал издательство для

его публикации.

Глеб Жуков не жаловал людей в мундирах. Он боялся попасть в их поле зрения, но недавно понял, что *там* наверняка уже знают о нем. И был почти уверен – в аэропорту его точно схватят. Но иного пути не было, и он решил прикинуться скучающим туристом. Изобразив мечтательный взгляд простака, занятого только предстоящим отдыхом, он вытащил мобильник и, продолжая улыбаться, сделал вид, что шлет кому-то смс.

Таможенник взял его документы, открыл паспорт и, прочитав фамилию, резко повернулся к своему коллеге, стоявшему неподалеку. У Жукова потемнело в глазах. Ноги мгновенно стали ватными, показалось, что он вот-вот упадет. Однако внешне он оставался спокойным и все так же смотрел на мобильник, как будто с нетерпением ожидая ответа.

Не успел Глеб отчаяться, как таможенник привычным движением вернул документы, сказав коротко: «Проходите», – и стал что-то обсуждать с подошедшим сотрудником.

Глеб смотрел на билет не в состоянии побороть волнение. Прежде он ни на секунду не испугался бы рутинной проверки на таможне. Но сейчас нервы были на пределе. Его взгляд блуждал по билету, переходя от «SU 299» к «Аэрофлот», «Ту-154», «Шереметьево-2» и снова возвращался к «SU 299». И так до тех пор, пока не подошла его очередь регистрировать багаж. Он протянул паспорт и билеты.

– Отдыхать едете? – спросила блондинка за стойкой.

– Да, хочу немного передохнуть, – ответил он, изобразив на лице ожидание приятного отдыха.

– Где бы вы хотели сесть?

– Мне, пожалуйста, место у окна.

Сотрудница отметила место в билете и вернула документы. Еще мгновение и он окажется на борту, эта мысль обрадовала его настолько, что он смог напоследок улыбнуться девушке.

Чемоданы и прочий багаж загружали в лайнер, Глеб сидел у иллюминатора почти над крыльями самолета и с интересом наблюдал за погрузкой. Он внимательно смотрел вниз, чтобы среди груза найти свои чемоданы – один уже поплыл вверх, а второй один из грузчиков бросил так, что Глеб чуть не выругался вслух, но сдержался и чтобы не расстраиваться еще больше, закрыл глаза и откинулся в кресле.

Ему удалось расслабиться настолько, что через мгновение он мысленно перенесся на Воробьевскую набережную. Дождь прекратился, и они с Викторией решили подышать напоенным влагой пьянящим воздухом. Лучи солнца, блеснувшие сквозь тучи, отражались в мокрой листве и вызвали радостное возбуждение. Падавшие на лоб красивые локоны Виктории мешали ей смотреть. Она сильно и смешно надувала щеки, чтобы сдуть их. Вдруг снова припустил дождь, и они побежали к машине. Виктория как ребенок специально наступала в лужи, беззаботно обдавая себя и Глеба фонтаном брызг, а тот тянул ее руку, чтобы не отставала. Ему хо-

телось быстрее добраться до припаркованного мини купера. Влетев в него, мокрые, задыхающиеся, они сразу же начали целоваться. Казалось целый мир – легкий и беззаботный – уместился в маленькой машине, мир, в котором существовали только двое – он и она.

Глеб вздрогнул, открыл глаза и уставился в закрытый иллюминатор, затем повернул голову – стюардесса просила пристегнуть ремни и поднять спинку кресла. «Компания «Аэрофлот» желает вам приятного полета», – услышал он последнюю фразу командира экипажа. Авиалайнер готовился к взлету. Еще мгновение – он развернется и начнет разбег.

Глава 3. Тигровые креветки и футбол

Вот уже две недели Виктория Вайдман чувствовала себя потерянной. Миллионер из Нью-Йорка оказался вовсе не миллионером, а простым служащим какой-то крупной корпорации. А она почти решилась лететь на встречу, тем более, что собиралась в командировку в Европу, а потом в Штаты. Но в Нью-Йорк ей уже не хотелось, какой смысл, если этот придурок врал ей, что он владелец крупного медиахолдинга. И вдруг в очередном письме признался в обмане, разрушив все планы на звездную нью-йоркскую жизнь. «Боже, в этом мире столько психов!», – думала она. А вдруг он вообще какой-нибудь маньяк, раз начал с вранья?

Да и Глеб куда-то запропастился. Мобильник отключен, на электронные письма не отвечает. «Нет, в мире не осталось нормальных мужиков!» – вздыхала она. И вдруг подумала о Карэне, владельце вино-водочного магазина, с которым познакомилась в клубе. Все эти дни он ей упорно названивал, время от времени они слали друг другу смс. Она – непри-нужденно-кокетливые, он – почти влюбленные. Правда, ей не очень-то хотелось с ним «зажечь».

Виктория оценивающе посмотрела на свой лунный маникюр и решила, что сегодня перекрасит ногти. Если бы какой-нибудь понимающий в этом деле человек посмотрел на ее руки, непременно отметил бы, что естественный маникюр

ей идет. Впрочем, Виктория никогда и не любила наращивать ногти. С ними она ощущала себя какой-то хищной птицей. Кроме того, видя, что пальцы ее и без маникюра совершенны, она все чаще рассуждала о естественности. Виктория позволяла себе говорить с подругами о недостатках искусственных ногтей, намекая на то, что обычно женщины прибегают к ним, чтобы скрыть какое-нибудь несовершенство формы рук. При этом она вовсе не была заносчивой. Удивительным образом в ней сохранялась по-своему симпатичная и так ценимая окружающими человеческая простота.

Она тщательно выровняла стопку документов, положила ее в приемный лоток копировальной машины, нажала нужные кнопки, и та деловито застрекотала, выбрасывая готовые копии.

Виктория была не единственным ребенком в семье. Ее сестра Лариса постоянно, всеми доступными способами, а иногда и с применением силы, утверждала свое старшинство и право руководить Викой во всем – сначала в детских играх и школьных делах, потом в ее взаимоотношениях с друзьями и подружками. При этом она скромно скрывала разницу в возрасте (весьма значительную), которая с каждым годом становилась заметнее. Не зря Лариса постоянно сетовала на то, что она растет вширь, а Виктория вверх.

Но она всегда любила младшую сестренку, любила искренне и по-своему преданно. В какой-то момент она взяла полное шефство над Викторией, уверив себя, что как стар-

шая несет полную ответственность за продвижение «малышки» по дороге от детства к юности и далее – во взрослую жизнь.

Убедившись, что Вика движется в правильном направлении, Лариса поубавила свой воспитательный пыл. Когда же вышла замуж и переехала с мужем в Калининград, а потом родила детей, она резко ограничила свое влияние комментариями и советами в редких письмах или разговорах по телефону.

Это позволило Виктории вздохнуть с облегчением. Она тоже любила Ларису, но ее нравоучения порой серьезно «доставали», ведь к тому времени она уже оканчивала школу в Киеве. В планах было поступление на экономический факультет одного из московских вузов.

В школе серьезных отношений с парнями у Вики не было, чему опять-таки поспособствовала старшая сестра. Возможно, она была права. Да и сама Виктория в школьные годы не особо проявляла интерес к дружбе с мальчиками. Она была больше занята учебой и саморазвитием, поскольку уже в детстве поняла, глядя на жизнь родителей, что будущее будет зависеть от ее действий и целеустремленности.

Если не считать первую, совсем еще детскую привязанность к соседскому мальчишке Грише, который, переезжая в другой район, оставил ей на память несколько своих игрушек.

Правда, кончилось это знакомство по-детски тривиально

– в ответ на ее язвительное замечание, что он мог бы подарить еще и машинку, которая ей так нравилась, Гришка просто дернул ее за косу. Она с ревом бросилась под защиту старшей сестры, правда, не забыв взять остальные подарки, предусмотрительно положенные в пакет. Зная крутой нрав Ларисы, Гриша молнией кинулся прочь, и удрал, как оказалось, навсегда. Как обычно бывает с новыми игрушками, гришкино наследство ей скоро наскучило, и она раздарила его подружкам, вычеркнув из памяти неудачливого и жадного, как она искренне думала, ухажера.

Когда Вике исполнилось 14 лет, в ее жизнь вошел скромный художник по имени Тарасик. Он был старше на два с половиной года и учился в соседней школе. Провожая до дома, он носил ее портфель и при расставании скромно гладил, а иногда украдкой целовал ей руки. Так и не переступив границ галантного поведения, он даже ни разу не сделал попытки ее поцеловать, что уже не раз случалось с ее более удачливыми подружками-одноклассницами.

Тогда Виктории казалось, что настоящая любовь такой и должна быть – возвышенной и галантной. Кроме того, она побаивалась старшей сестры. Та говорила, что если хоть раз увидит, как Вика целуется с парнем, достанется и ей и ухажеру. И она ничуть не сомневалась в реальности этих угроз. Поэтому, каждый раз, когда ей казалось, что вот сейчас в полутьме подъезда художник возьмет ее за талию и прижмет к себе, чтобы поцеловать, в воображении возникала одна

и та же картина – Лариса сурово наказывает Тарасика, на лице которого невинное удивление. Позже Вика даже придумала подходящее название для этого виртуального кадра: «Без вины виноватый». С улыбкой вспоминая свои страхи, она жалела этого ласкового и ранимого мальчика. При таком раскладе, естественно, все заканчивалось уже традиционным нежным поглаживанием рук и галантным «До скорой встречи!»

Тарасик, не уставая, рассказывал Вике о звездах, космосе. Еще он твердо обещал, что в будущем обязательно нарисует ее и подарит ей портрет. И долго еще их общение продолжалось в таком же галантно-возвышенном духе.

На свадьбе сестры Виктория, насмотревшись на ларискины прилюдные поцелуи под громкие крики «Горько!!!» с глупым подсчетом их числа, несколько изменила свое мнение о поцелуях. Вика решила, что теперь и она может начать целоваться с художником. Ведь он заверил ее, что, даже поступив в университет, придет на выпускной бал и будет сопровождать ее и в этот день, и вообще всю жизнь.

Но детские мечты, увы, как правило, не сбываются! Тарасик внезапно объявил, что нашел себе новую музу, вертлявую Нинку из соседнего дома, мимо которого он проходил, расставшись с Викторией.

Она не сильно огорчилась, хотя надежда на первый поцелуй в ближайшее время улетучилась. Даже посмеялась, когда, сообщив Ларисе по телефону об исчезновении рыцаря-

ственного поклонника, услышала неожиданный комментарий: «Поделом этой Нинке! Пусть теперь она повозится с футлярчиком, который и целоваться-то толком не умеет!». Сказано это было с нескрываемым удовлетворением и определенной долей злорадства. Футлярчиком она назвала Тарасика потому, что он всегда носил с собой футляр, в котором хранил не то ватман со своими бесценными шедеврами, не то кисти, а может и то и другое, об этом история умалчивает. На вопрос, откуда она знает об этом, сестра ответила, что всегда смотрела в окно и удивлялась, что прощаясь, он только украдкой целует ей руки. По ее мнению, настоящий мужчина обязательно бы поцеловал такую красивую девушку.

Виктория даже разозлилась на сестру, которая так неожиданно и резко свела на нет весь свой многолетний воспитательный процесс. Она в одночасье «уничтожила» создаваемый годами образ идеального мужчины.

Оказывается теперь Виктории надо больше внимания обращать на уверенных в себе, сильных и спортивных парней, которые больше приспособлены к реальной жизни и меньше рассуждают о далеких космических просторах и вершинах художественного творчества. Возможно, это стало следствием изменений, происходивших в стране.

Нарисованный сестрой образ почему-то напомнил Вике известного всему району футболиста Антона, который учился в параллельном классе. Он уже давно оказывал ей знаки внимания, и теперь, после слов Ларисы, она несколько при-

задумалась. Но эта мысль сразу же была вытеснена более серьезным решением. Отныне Виктория сама будет создавать свой идеал мужчины, не полагаясь на чьи-либо советы!

И все же эпитеты, которыми Лариса наградила Тарасика, остались в ее памяти. Позже, вспоминая об этом, она с улыбкой повторяла это смешное словечко – футлярчик. Для нее оно означало внешнюю и внутреннюю зажатость человека, который всеми силами пытается скрыть свои искренние чувства от посторонних. Каждый человек всегда, хотя и с противоречивыми чувствами, помнит своего первого партнера, с которым он переступил важный порог во взрослую жизнь.

Оказавшись в Москве, Виктория попала в водоворот событий, связанных с поступлением в университет и студенческими буднями, привыканием к столичной суете и стилю жизни со всеми ее соблазнами, проблемами и опасностями. С присущей ей энергией, умом и настойчивостью, она быстро адаптировалась в новой для нее среде.

Что касалось общения с мужчинами – здесь поначалу было несколько сложнее. Она не видела на горизонте человека, который бы полностью отвечал ее идеалу. Ей не хотелось столкнуться с очередным футлярчиком или каким-нибудь нахалом, который ради собственного удовольствия быстренько затащит ее в постель, и, потешившись, как мотылек полетит искать очередную жертву.

Продолжая поиски человека, в котором бы соединялись мужественность, красивая внешность, интеллект и романти-

ка, Виктория верила, что такой мужчина существует.

И все же со временем она осознала, что планка несколько завышена. Жизнь есть жизнь, и, встречая парней, подходящих для серьезных отношений, хотя и не полностью соответствующих ее идеалу, она уже более благосклонно отвечала на их ухаживания. К тому же некоторые ее избранники, хоть и считали ее красоткой, все же больше ценили свою свободу и их отношения со временем начинали разлаживаться.

Конечно, Виктория огорчалась, но всегда говорила себе, что получает важный жизненный опыт, который обязательно пригодится, когда она встретит того единственного, с которым можно будет прожить счастливо всю жизнь. Поэтому такие эпизоды не оставляли на сердце серьезных царапин. Она вновь с головой уходила в учебу, а потом и в работу, создавая основу для успешной профессиональной карьеры.

Так было до тех пор, пока она не познакомилась с Жуковым.

Ксерокс заклинил. Виктория чертыхнулась. Проходивший сотрудник, услышав это, громко кашлянул. – Знаешь, легко проходить мимо беспомощной женщины! – раздраженно заявила она.

Игорь, юрист их фирмы, был увлечен ею, но всегда сторонился. Сейчас же на его лице явно читалось: «Готов сделать для тебя все, что угодно, только попроси». Обрадовавшись удобному случаю поговорить с девушкой, он подошел ближе.

– Когда улетаешь? – спросил Игорь, вынимая застрывшую бумагу.

– Через пару недель, – Виктория собирала ксерокопии, складывая их по страницам.

– Может, посидим где-нибудь перед твоим отъездом, ты ведь надолго улетаешь?

– Еще не знаю на сколько, – ответила она, явно не желая отвечать на предложение о встрече.

– Я приглашаю тебя на ужин, что скажешь? – Игорь решил проявить напористость.

Виктория уже собиралась ответить категоричным отказом, но вспомнила, что он был знаком с Глебом, и решила согласиться. Но чтобы не показалось, что она слишком быстро приняла приглашение, ответила: – Посмотрим, ближе к моему отъезду созвонимся, спасибо за помощь, – она собрала бумаги и решительно пошла в свою комнату. Кажется, Игорь продолжал смотреть на нее. Кокетливо обернувшись, чтобы показать, что, возможно, и пойдет с ним куда-нибудь, она заметила, что тот счастливо улыбается.

Виктория Вайдман работала главным консультантом по продажам обувной косметики Coco Guereza в отделе, курирующем Центральную Азию. Объем продаж на этом рынке был очень большим, и фирма увеличивала ассортимент каждый квартал, поэтому ей приходилось ездить в Мадрид с отчетами и для участия в тренингах – иногда на средства фирмы. Это давало передышку и возможность отдохнуть от мос-

ковской суеты. Кроме того, ей нравился шопинг в столице Испании, а оттуда можно было съездить и в Милан на пару деньков. Она одевалась только в этих городах, благо, на одних лишь бонусах зарабатывала достаточно, чтобы позволить себе путешествовать, не ожидая отпусков и сезонов.

Официант принес заказ, поставил перед ней блюдо и замер. Виктория, выждав мгновение, посмотрела на него и кивнула головой, как это сделала бы сама королева Виктория, показывая слуге, что он свободен. Официант галантно наклонил голову и отошел в сторону.

– Ты всегда поднимаешь мне настроение, – произнес Игорь, потупившись, словно вспоминая свое первое и единственное свидание в жизни, оставшееся далеко в прошлом. Виктория ответила не сразу. Вообще он ее раздражал своими широковатыми костюмами и не в тон подобранными галстуками. Жидкие волосы он мазал гелем, и они казались масляными, а он – неопрятным.

– Ты мне тоже, – многозначительно ответила она, зная, что он воспримет это как комплимент. – Да ладно, шутишь, я вообще был удивлен, что ты согласилась на мое предложение поужинать, – сказал Игорь, – и нацепил на вилку огромную тигровую креветку.

Виктории стало дурно, ей не нравились креветки, и тем более эти ужасные тигровые, напоминающие переросших полосатых опарышей. Она с ужасом представила, будто и

в самом деле когда-то пробовала этих червей. Игорь с удовольствием хрустел своими креветками, Виктория же почувствовала, что стремительно теряет аппетит и положила вилку на стол. Сейчас она выпьет немного вина, снова почувствует прилив бодрости и, возможно, сможет доесть свое блюдо.

– Скажи, ты был знаком с тем парнем в клубе, когда мы столкнулись, помнишь? На презентации новой линии по уходу за замшей и нубуком? – она отпила вина и решительно перешла к делу.

– Не припомню, о ком ты говоришь, – насторожился Игорь.

– А, ладно, разницы нет, все равно не вспомнишь, лучше поговорим о тебе. Чем ты занимаешься в свободное время? Смотришь футбол? – спросила она, окинув взглядом его выпирающий под рубашкой пивной животик. Игорь заметил этот взгляд и как-то неестественно выпрямился за столом, вытягивая живот в себя. Виктория чуть не прыснула, но сдержалась.

– Ну, больше я, конечно, люблю играть сам, ты разве не в курсе, у нас собственная команда в компании, – пробурчал он, и стал водить вилкой по салату. – А ты про какого чувака говоришь? Того что сопровождал тебя тогда на презентации?

Виктория победоносно потупила глаза: она знала, что делать, чтобы человек разговорился. Нужно предложить тему, потом резко отказаться от ее обсуждения, сославшись на то,

что это неинтересно, а потом быстро пульнуть в собеседника каким-нибудь едким вопросом, касающимся недостатка его внешности. Человек теряется и пытается вернуться к теме, которая, как ему кажется, отвлечет собеседника от обсуждения его недостатков.

– Да, ну тот Глеб Жуков, – кинула она как бы без интереса и, подцепив вилкой и отправив целую горсть овощей в рот, стала жевать, неприлично причмокивая, желая вызвать у Игоря неприятное чувство, чтобы быстро ретироваться, после того, как выудит у него нужную информацию, сказав, что у нее расстройство желудка.

Игорь долго смотрел, как она пережевывает салат, причем, как ей показалось, с восхищением.

– Ну да, он пиарщик, в банке. А ты разве уже не его подруга?

– Да как сказать, мы с ним пару раз виделись и то только на каких-нибудь пати. Но мне он нужен по работе. Я забыла, в каком он банке. А номера телефонов, кажется, он сменил.

– «Russian International Commercial Bank», – сразу же вспомнил Игорь.

Виктория мысленно произнесла название банка почти одновременно с ним, и от себя добавила «Всей страны Банк!» – слоган, придуманный, кстати, в свое время Глебом Жуковым.

– А ты с ним не видишься?

– Да откуда же? Я его знаю-то так, слегка. Знакомая рабо-

тает в аэропорту, и сказала, что видела его там, он куда-то улетал. А она его знает как писателя, он же там что-то пишет в сети. Статьи какие-то.

«Значит, улетел-таки, зараза», – подумала Виктория и улыбнулась Игорю. Услышав сигнал смс, она открыла телефон. Это был Карэн, спрашивал, чем она занята и не хочет ли прогуляться и выпить. – Надо ответить срочно, – прокомментировала девушка и написала: *«Не сегодня, работы много, наверное, только в конце недели»*, и добавила смайлик, желая показать глубокое сожаление.

– Так, и чем же ты занимаешься после футбола? – продолжила разговор Виктория, еще раз отпив вина. Игорь, недолго думая, ответил: – Да чем я могу заниматься, если у юристов свободного времени нет вообще. Я-то кроме основной работы на фирме подрабатываю адвокатом. Постоянные судебные тяжбы. Беготня.

– Так ли уж нечем? А как же рыбалка? Охота? – любимые занятия мужчин?

– Да этим я совсем не увлекаюсь, – Игорь снова взял креветку. Виктория прикрыла глаза, чтобы не видеть это действие. Она поняла, что об аппетите можно забыть, пока салат с тигровыми креветками не исчезнет со стола, и, ставя бокал, как бы невзначай пролила его содержимое в салат. Игорь захохотал. Виктория ахнула и стала извиняться. Тарелка с тигровыми креветками, болгарским перцем и гренками наполнилась вином и сразу приняла удручающий вид. Игорь по-

звал официанта.

– Ой, так неудобно! – Виктория сжимала пальцы и виновато смотрела то на Игоря, то на официанта. – Я очень извиняюсь.

– Да ничего, я закажу новый! – успокаивающе произнес Игорь. Виктория опешила, не найдя, что ответить. Официант стал убирать тарелку с испорченным салатом.

– Молодой человек, принесите меню, я выберу что-нибудь в качестве извинения, – сказала она, зная, что в любом случае Игорь сам оплатит счет. Что-нибудь на мой вкус, – улыбнулась она загадочно. Игорь с восхищением смотрел на нее. Такое проявление заботы со стороны этой недостижимой красавицы вводило его в заблуждение. Официант принес меню.

– Хм, принесите-ка нам «Витаминку» (этот овощной салат не должен был испортить ей аппетит). Это мой любимый салат и мне будет приятно, если ты его попробуешь, – добавила она.

Игорь, не чувствуя никакого подвоха, радостно улыбался, от чего Виктории еще больше захотелось сотворить какую-нибудь гадость. Неожиданно она почувствовала приступ голода, к счастью теперь она могла спокойно приниматься за еду. Еще немного и она доест свой салат, допьет вино и можно будет выдумать причину, чтобы уйти домой.

Глава 4. Iberia

Виктория прошла регистрацию. Пятичасовой перелет из Москвы в Мадрид авиакомпанией Iberia оказался не тяжелым. Как обычно она проспала все пять часов, не проснувшись даже для ужина, и чувствовала себя бодрой и полной энергии. Ей предстояло долго идти по бескрайним коридорам гигантского мадридского аэропорта Барахас, где ничего не стоило потеряться на долгие часы. Только через некоторое время становилось понятно, что не стоило напрягать свои интеллектуальные способности в надежде, что сможешь сориентироваться самостоятельно, как это обычно происходит в других аэропортах. Нужно было просто следовать указателям и искренне верить, даже если написано, что нужно пройти еще «километров пять».

В который раз Виктория удивлялась архитектуре аэропорта – очень странное сооружение. Она оглянулась кругом – надо было ехать за багажом. А это в пятнадцати километрах отсюда, в совершенно другом терминале. Виктория до сих пор не могла понять, почему в Барахасе пассажиров высаживают в одном терминале, а багаж выдают в другом? Это казалось издевательством, но она хорошо знала эти странные правила и шла по уже привычному пути в сторону эскалатора, который доставит ее на нижний уровень, а там подземный поезд довезет до другого терминала. Разобравшись

с багажом, Виктория села в такси: – A la Calle de Villanueva, el hotel de Apartamentos Recoletos¹.

По дороге из аэропорта она смотрела на однотипные дома, расположенные вдоль шоссе, совсем не похожие на те, что находятся в центре Мадрида. Как ни странно, они напоминали советские хрущевки в отдаленных микрорайонах. В этот момент зазвонил испанский номер. Виктория удивленно посмотрела на дисплей. Звонила Агния из Москвы.

Агния, студенческая подруга Виктории, после школы приехала в Москву из Нижнего Новгорода, чтобы поступить в университет. Это была миловидная девушка ростом выше среднего. При ее внешности и комплекции Агния вряд ли прошла бы кастинг на модель для демонстрации нижнего белья в модных журналах. Правда, она и не стремилась к идеальной фигуре. Она также не предпринимала ничего радикального, чтобы изменить свою внешность и приблизиться к общепринятому образу современной красотки.

Усилия ее были сконцентрированы на развитии профессиональных качеств. Этим она отличалась от Виктории, которая одновременно уделяла много времени и учебе и собственной особе. Агния еще на втором курсе начала зарабатывать на жизнь, чтобы не просить помощи у родителей. Она поработала продавцом-кассиром в супермаркете, затем консультантом в страховой фирме. После завершения учебы ей удалось устроиться в логистическую компанию. Карьера

¹ На улицу Villanueva, гостиница Apartamentos Recoletos (исп.)

складывалась достаточно успешно – она уже некоторое время работала в должности начальника складской логистики с хорошими перспективами дальнейшего продвижения.

Еще на заре своей карьеры она смогла получить ипотечный кредит на покупку двухкомнатной квартиры, в которую переехала вместе с Викторией и Евой. Разумеется, ее близкие друзья жили там не бесплатно. Это было серьезным подспорьем для Агнии в выплате кредита. Она также понемногу, но упорно откладывала на покупку машины.

Вообще Агния имела волевой характер, иначе бы эта провинциалка не добилась таких результатов в столице, тем более за сравнительно короткий срок.

В компании Виктории и Евы она была главным инициатором и организатором различных культурных мероприятий, а также походов в магазины или ночные клубы. Ева и Виктория чувствовали себя за ее спиной достаточно уверенно. Агния могла дать отпор любому нахалу. На их памяти не было ни одного случая, когда за свое хамство обидчик не получил бы достойного, а, зачастую, и более чем достойного ответа, который он запоминал надолго. В таких, в общем-то нечастых случаях, к разборкам привлекались правоохранительные органы, и знакомые следователи делали все, чтобы обидчики отстали от Агнии, либо, если виноваты, ответили по всей строгости закона.

Виктория даже побаивалась ходить с ней в ночные клубы или какие-нибудь другие места, где собиралось много наро-

да. Агния никогда не давала спуску тому, кто осмеливался приставать к ней или ее подругам, нарушая тем самым хорошо продуманные планы на вечер, которые они всегда подробно и с удовольствием обсуждали. Девушки были неконфликтными, но очень (хотя и по-разному) привлекательными. Поэтому в обстановке разгоряченной тусовки ночного клуба, среди большого числа посетителей нередко находился какой-нибудь слишком уж активный и нежелательный посягатель на их планы. Такой субъект немедленно попадал под пресс яростного гнева Агнии – этой «полоумной дамочки», как назвал ее какой-то мальчик с потугами казаться крутым мачо, хотя сквозь эту примитивную маску явственно проступали несколько женственные манеры.

Может быть из-за этого у Агнии было мало поклонников. Узнав ее крутой нрав, а уж тем более почувствовав его на себе, они быстренько ретировались, чтобы больше не иметь с ней никаких дел. Нечасто на ее пути встречались мужчины, к которым она относилась более благосклонно. Обычно это были парни с необычными профессиями или занятиями. С ними ей удавалось заводить кратковременные романы.

Например, полгода она встречалась с молодым рокером из не очень известной пригородной банды; затем, после долгого затишья, за ней стал ухаживать крутой блогер, любитель байка. Но уже через три месяца они поругались, и в этот же день он разбился насмерть. Бедной Агнии пришлось пройти через многие неприятности, использовать лучших адвокатов и

все свое красноречие в ходе судебного разбирательства, инициированного родственниками погибшего, чтобы доказать, что она не имеет никакого отношения к этому несчастному случаю.

Едва Агния оправилась от свалившихся на нее проблем, как в ее жизни внезапно появился патологоанатом. Уже с первого дня знакомства Викторию и Еву в его присутствии охватывала нервная дрожь, и они несколько зажато отвечали на его простые вопросы. Порой казалось, что рядом с ними внезапно оказался огромный паук-птицеед. Что интересно, это вовсе не было связано с его внешностью. Напротив, у него была приятная наружность, прекрасная фигура, большие накаченные руки, которые он с удовольствием демонстрировал окружающим. Пытаясь понять свое негативное отношение, они пришли к мнению, что боялись его профессии, связанной с очень неприятными вещами. Но и он быстро исчез, потому что Агния поняла, что будущего с ним быть не может.

Она всегда избегала секса в своей квартире, которую делила с подругами. Что вселяло уверенность, что их жилье не превратится в некий дом свиданий, где надо будет заранее составлять и согласовывать график встреч с кавалерами. Так было и на этот раз. Причиной разрыва стало великодушное приглашение молодого человека посетить место его работы, чтобы там, без помех со стороны окружающих и соседей, заняться любовью. Такой экстрим даже для смелой и ре-

шительной Агнии был неприемлем, и они тихо расстались, сосредоточившись на своих, важных для обоих, профессиональных обязанностях.

Но Агния пока и не строила далеко идущих планов относительно мужчин. Она считала, что любой брак неизбежно привнесет серость и будничность в каждодневные, в том числе и интимные, отношения. Она была из тех девушек, которые верили, что настоящая любовь должна быть вечно страстной и бурной, с нескончаемой чередой новизны. Интересно, что на жизненном пути Агнии всегда попадались мужчины, которые были с ней полностью в этом солидарны.

– Ты долетела? – голос Агнии звучал так громко и с эхом, будто она спряталась где-то рядом за углом. – Как прошел полет?

– Все прекрасно, выпалась в дороге, еду в город, – ответила Виктория.

– Я рада, надеюсь, все будет окей. Знаешь я ездила к бабке в Воскресенское, сейчас расскажу тебе историю про Гудини!

– Какого Гудини?

– Ну, пес наш на даче у бабки, я его так назвала!

– А, Гудини! И что с ним? – Виктория вздохнула и устроилась удобней в предвкушении очередной забавной истории про деревенскую живность.

– Рассказываю: – Недели две назад бабка выходит из дома и видит Гудини сидит перед своей будкой под дождем и не заходит. Она подумала, что протекает крыша и решила

взглянуть, в чем дело. Подходит ближе, а он давай рычать, она присмотрелась и увидела внутри будки собаку, а рядом с ней кутенка – ну вылитого мини Гудини.

– Он втайне женился? – Виктория глядела в окно.

– Дело в том, что у соседской бабы Люси была сучка по имени Чапа, так вот эта Чапа, видимо, гульнула с Гудини в свое время и ощенилась, ну, разумеется, у нее Гудини был не один, поэтому она принесла разных щенков. Но поскольку баба Люся плохо кормила ее, Чапа решила от них избавиться.

– Она что их утопила? – рассмеялась Виктория, представив, как маленькая дворняжка Чапа выбирает способ избавиться от детенышей и составляет план их утопления. В ответ она услышала шипение, а затем лишь короткое «ла».

– Что, что? – переспросила Виктория.

– Съела, – повторила Агния.

– Как это съела? Собственных щенят съела? – смешливость Виктории испарилась.

– Ну да, взяла и съела их всех, это мне баба Люся рассказала, – Агния выдержала паузу, видимо, набирая воздух. – Но самое странное не это, дорогая моя, самое странное, что она оставила в живых только одного, точную копию Гудини, пришла к нему, а он принял их и поселил у себя в будке!

Виктория оторвала взгляд от дороги и почему-то уставилась в затылок водителю:

– Seriously?

– Ну, а самое удивительное, что Гудини освободил будку, а сам жил на улице и когда бабушка приносила еду, не дотрагивался до нее, а ждал, пока поедят Чапа с кутенком! Представляешь?

– Да ну? – Виктория не могла поверить. Казалось, что даже через тысячи километров, через мобильную связь она чувствует возбуждение подруги и желание рассказать эту поразительную историю

– Нет, ну ты можешь себе представить? А кутенок-то – вот смешной! Освоился уже и охраняет бабкин дом – смело так выбегает и лает на всех, а Чапа знает, что пришла в чужой дом и так стеснительно бегают вокруг, но старается показать, что, мол, я тоже ваша теперь...

– Невероятно!

– Нет, ты представь, совсем как люди, да? Пришла, значит, с сыном, сует отцу и говорит: воспитывай своего отпрыска! А заодно и меня корми за то, что выходила! Вот аферистка!

– И к тому же каннибалка! – Виктория уже забыла о своих делах в Мадриде и старалась переварить в голове эту историю.

– Нет, об этом стоит снять фильм! Это же прямо как у людей! – Агния все не могла успокоиться.

– А щенка-то назвали?

– Да! Я назвала его Лаки!..

– Какие-то клички у ваших собак иностранные! – иронично заметила Виктория.

– А то! – подтвердила подружка. – Лаки ведь по-английски «счастливчик», а он и на самом деле счастливчик, не каждому щенку выпадает жить в доме отца! – Агния громко захохотала. – Я и то без отца росла!

– Ты как будто завидуешь? – пошутила Виктория.

– Ну, ладно, я уже сажусь в машину, – ответила Агния. – Давай, чмоки, дорогая, еще свяжемся!

Через некоторое время такси влилось в гущу городских автомобилей. Средневековая архитектура, перемежающаяся с современными ультрамодными, порой странными и нелепыми постройками, узкие улицы, по которым тянется бесконечный ряд малолитражек. Виктория опустила окно и почувствовала знакомый запах мегаполиса. Город гудел, впрочем, как и все крупные города, он жил своей особенной и неповторимой жизнью. Нарядные жители Мадрида прогуливались по аллеям и тихим проулкам. «И снова я в Мадриде», – промелькнуло в голове у Виктории. Она уже видела Национальную библиотеку. Значит, скоро ее улица, Villanueva.

Такси подъехало к трехзвездочной гостинице «Apartamentos Recoletos». Виктории она нравилась – простая и вполне комфортная, в самом центре города – на улице Серрано, что в паре шагов от наиболее людных площадей и известных бутиков. Сейчас ей необходимо принять душ и ехать на запланированную встречу. Впереди – участие в тренинге последней линии по уходу за обувью и обсуждение с менеджером новой стратегии по освоению еще не охвачен-

ных рынков сбыта в странах СНГ.

Глава 5. Никогда не знаешь, что произойдет завтра

Маргарита Тереза Испанская неестественно смотрела со старого холста, принадлежавшего кисти Хуана Баутиста Мартинесу дель Масо. Виктория не находила в ней ничего особенного, но продолжала пристально смотреть на картину. Вот бы хоть на минуту оказаться на месте этой королевы, иметь кучу слуг, раздавать приказания и быть женой, между прочим, императора Священной Римской империи Леопольда I. Правда то, что четырнадцатилетняя девочка вышла за двадцатилетнего Леопольда и называла его дядюшкой, немного коробило Викторию. Хотя брак Маргариты и Леопольда считался счастливым – оба любили музыку и искусство, за шесть лет она родила ему шестерых детей – им не суждено было прожить вместе долго. Придворные не любили королеву и желали ей смерти. Маргарита Тереза умерла в 21 год. Вспомнив этот исторический факт, Виктория решила, что поспешила с желанием быть на месте Маргариты, и перешла к другой картине.

Музей Прадо был излюбленным местом отдыха Виктории, в нем можно было забыть обо всем, любуясь великолепными полотнами известнейших художников всех времен.

Музей не отличался изысканным дизайном или каким-нибудь особенным интерьером. Легкая простота, порядок и од-

новременно величие веяли от этого классического сооружения, построенного в 1785 году архитектором Хуаном де Вильянуэва. Вначале Прадо был музеем естественной истории, потом сюда переехала королевская коллекция живописи, скульптуры и прикладного искусства, открытая для публики в 1819 году.

В Прадо экспонируется всего шестая часть из более 7500 картин, хранящихся в нем. Виктория знала, что за один визит невозможно увидеть и понять творчество всех мастеров, потому каждый свой приход она посвящала одному художнику. И все-таки не могла еще раз не подойти к полотнам трех великих мастеров Испании – Эль Греко, Веласкеса и Гойи.

Она посмотрела на часы – было уже пять вечера. Ей не хотелось в гостиницу – можно еще погулять и даже пропустить пару глотков *vino tinto*², которое продается во всех уличных кафешках и стоит почему-то дешевле банки диетической колы.

Она вышла из музея и пошла напрямик по Пасео дель Прадо. Наблюдая за девушкой, которая парковала свою машинку между двумя такими же, Виктория не могла не улыбнуться. Она вспомнила свой мини купер, оставленный в Москве, который мог бы органично вписаться в местный автопейзаж. Девушка на малолитражке вдруг задела машину, стоявшую сзади, затем в страхе резко подала вперед и стук-

² Красное вино (исп.).

нула бампер передней машины. За короткое мгновение четыре вмятины – две на ее машине, две – на соседних. По всему было видно, что она совсем недавно научилась парковаться. Выйдя из машины, она что-то нервно бормотала, глядя на появившиеся вмятины. Виктория вдруг решила ей помочь.

– Deme los llaves³, – сказала она и требовательно протянула руку.

Девушка непонимающе взглянула на нее.

– Las llaves, – повторила Виктория.

Та взглядом показала, что они в машине, толком не понимая, чего хочет эта иностранка. Виктория смело села в машину, включила зажигание и немного подала назад, потом повернула направо к обочине и стала осторожно сдавать вперед. После нескольких маневров ей удалось втиснуться поближе к бордюру, и она с облегчением посмотрела на удивленную хозяйку машины.

– Gracias, muchas gracias, – услышала Виктория, возвращая ключи хозяйке. Она ответила, что все хорошо и зашагала дальше. Ей хотелось пройти еще несколько кварталов. Вот сейчас она пройдет Плазу де Сибелес, потом свернет налево, пройдет еще немного и найдет какую-нибудь уютную кафешку, чтобы отдохнуть и поразмыслить об увиденных в Прадо полотнах.

Пьянящий мадридский воздух проникал в нее, и сама того

³ Дай мне ключи.

не желая, она становилась частью толпы, праздно гуляющей по улицам. Обрывки беглой испанской речи, смех и довольные лица вокруг. Виктории захотелось покататься по улицам Мадрида, и она решила поймать такси. Не прошло и двух минут, как она мчалась по улице Алкала в неизвестном ей направлении, любуясь вечерним городом.

А ведь всего несколько минут назад она намеревалась пройтись до излюбленного места туристов Пуэрта дель Соль, но почему-то отбросила эту мысль. Безумно захотелось увидеть что-то новое, а не затертую взглядами туристов фигуру медведя с земляничным деревом.

Внезапно она остановила машину на улице Сан Висенте Феррера и быстро вышла. Сама не понимая, почему ей вдруг вздумалось здесь выйти, она решила немного пройтись и посмотреть совершенно незнакомый ей район. Невдалеке на другой стороне улицы ее внимание привлекло название кафе-бара «Jazzed Siglo». Захотелось заглянуть туда, джаз всегда ей нравился. Она быстро перебежала улицу и направилась к открытым дверям заведения, откуда была слышна музыка. Кто-то явно пытался подражать Фрэнку Синатре. Перед ней вырос охранник и потребовал билет или флаер. Виктория вынула из сумки десять евро, сунула в руки охраннику и решительно прошла внутрь.

Проскочив несколько ступенек вниз, она нырнула в тускло освещенное помещение в стиле осовремененной классики с колоннами из фарфора и стекла. Лепнина на высоком

потолке блестела позолотой, а пол был из узорчатого паркета. Все это дополняли лакированные балюстрады и перила, отделяющие танцпол от столиков и кресел в стиле румынской мебели 1950-х годов. Вдалеке на сцене пел какой-то молодой человек, отдаленно напоминающий ее недавнего приятеля. Она всмотрелась, подошла ближе и остолбенела. На сцене стоял Глеб Жуков и легко вытягивал ноты из «Mrs. Robinson» Фрэнка Синатры.

– Жуков? – ее удивлению не было предела.

В ответ она услышала громкую музыку, рвущуюся из динамиков. Здесь были в основном иностранцы и туристы, по всей вероятности, англоязычные граждане, и, конечно, местная публика, любящая мелодии пятидесятых.

Жуков на некоторое время замешкался, заметив удивленную Викторию, стоящую среди танцующих. Она продолжала пристально смотреть на него, а он делал вид, что увлечен пением и продолжал приплясывать на сцене, как некогда это делал молодой Синатра.

Через некоторое время Глеб допел очередную песню из репертуара Боба Дилана, спустился со сцены и направился к столику, за которым сидела Виктория. Она уже переварила увиденную сцену и приготовилась слушать его историю. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, затем одновременно прыснули.

– Я не пойму, как ты докатился до этого? – Виктория продолжала смеяться. – И когда ты начал петь?

Глеб помолчал, не зная с чего начать. Он провел ладонью по лицу, как будто стирая смех, и ответил, казалось, вполне серьезно: — Я всегда мечтал об этом.

— Но как, почему ты никогда ничего не говорил? — на Викторию вновь нахлынула волна смеха.

Глеб выждал, пока она кончит смеяться.

— Не знаю, это было сокровенное... а ты что делаешь в этом испанском мегаполисе? — Глеб попытался придать голосу немного иронии, чтобы скрыть непонятный страх, охвативший его при виде Вайдман.

— Я-то?.. Я в командировке, а вот ты что здесь делаешь? Да еще и с микрофоном корчишь из себя Синатру? — Виктория хотела скрыть свою радость и поэтому тоже пыталась ехидничать.

— У меня долгая история, — Глеб почесал лоб. Он недоумевал и не мог поверить в происходящее, убежденный, что такое могло произойти только в кино.

Через некоторое время он вернулся на сцену и продолжил выступление. Виктория пропустила очередной глоток красного вина, хваля себя за то, что решила заглянуть в этот ресторан. А может, ее привела интуиция? Как будто чувствовала: что-то необычное должно произойти. И кто мог подумать, что Жуков окажется именно здесь в Мадриде! Ведь она не имела никакого понятия, в какую страну он мог уехать. Очевидно, эта судьба, но вот какое будущее у этой встречи? Ведь Жуков, не моргнув глазом, укатил из Москвы и даже,

черт бы его подрал, не попытался сообщить ей об этом!

Мог ли родившийся в Орле активный общественник, юный редактор местной молодежной газеты «Форум» при всем своем богатом воображении представить, что в будущем по воле судьбы он выйдет на сцену какого-то мадридского ночного клуба петь джаз? Родной Орел с раннего детства был для Глеба центром вселенной. Его никогда не тянуло в другие города, да и постоянная увлеченность интересными общественными делами не оставляла времени мечтать о путешествиях.

Мама Глеба, врач по профессии, каждое утро уходила в больницу, а он спешил в школу не только на уроки, но и встретиться с друзьями, вместе они придумывали новые необыкновенные школьные мероприятия. А после уроков он деловито спешил в редакцию, небольшую комнату, выделенную в здании местного издательства, и до самого вечера корпел над дизайном и материалами очередного номера молодежной газеты.

Домой Глеб возвращался поздно. Мама уже ждала с ужином. Уютно устроившись за небольшим столом, они рассказывали друг другу, как прошел день.

Иногда Глеб начинал задавать вопросы об отце, живущем в Канаде. Обычно после этого мама прекращала разговор и уходила смотреть телевизор. Глеб усаживался за компьютер – подарок отца, вызывавший острую зависть друзей (в то

время компьютеры были еще редкостью). Поиграв немного, он приступал к работе над очередным материалом для газеты.

Время от времени он ходил на местные вечеринки, пел в караоке с одноклассниками, флиртовал с девушками. Несмотря на заметную внешность, стройную фигуру и некоторую известность среди молодежи, в сердечных делах ему не очень везло. Возможно, мешали застенчивость и нерешительность при первом знакомстве, они объяснялись скорее его недостаточным донжуанским опытом, чем отсутствием все более возрастающего сексуального влечения, которое он старался скрыть от посторонних. Нравившиеся ему местные красавицы не отвечали взаимностью, а бороться за их внимание было для него обременительно, принимая во внимание занятость другими делами.

Вместе с тем немногочисленные поклонницы Глеба, мечтающие о симпатичном юном журналисте, но не интересовавшие его, оставляли свои, как они понимали, бесперспективные заигрывания и переключались на более податливых ребят. В общем, до поры, до времени, это была обычная картинка юношеского взросления со своими открытиями, ошибками, радостями и обретением жизненного опыта.

Возможно, поэтому Глеб иногда чувствовал себя одиноким, хотя постоянно бывал среди людей, занимался успешной общественной работой. Равнодушие нравившихся ему девушек порождало некоторое высокомерие и негативную

реакцию к тем, кто выражал ему свою симпатию.

Так не могло продолжаться бесконечно. Глеб понял, что ему надо быть более активным и расстаться с уже порядком обременявшей его девственностью, особенно на фоне более успешных в этом отношении друзей. Он был уверен, что сексуальный опыт поможет развитию отношений с нравившимися ему девушками.

Переход во взрослую жизнь случился в одиннадцатом классе. Это сопровождалось чередой важных поступков и событий.

На одной из дискотек он увидел незнакомую девушку. Его поразили необыкновенные зеленые глаза, завораживающий блеск которых периодически скрывался под рыжей челкой. Длинные густые волосы, свободно спадавшие на плечи, прекрасная точеная фигурка невольно притягивали взгляд. Искусственно мятая серая майка и стильные голубые джинсы очень шли ей. Она танцевала с двумя подругами, ярко выделяясь из толпы сверстниц.

Глеб огляделся по сторонам – пока только он положил на нее глаз. Его возможные соперники, например главарь местной банды Матвей, по кличке Рейнджер, бросивший школу три года назад, или школьный авторитет Ефим, ровесник Глеба, относились к нему с вынужденным уважением из-за его газетной деятельности. И Глебу вовсе не хотелось портить с ними отношения из-за девчонок. По удачному стечению обстоятельств ни Ефима, ни Матвея, ни их постоянных

дружков сегодня не было. Тогда Глеб решил действовать. У него появилось какое-то смутное, но стойкое чувство, что в ближайшие дни в его жизни произойдет важное событие, о котором он давно мечтал. Заказав ди-джею, своему хорошему знакомому, известную песню «No Ordinary Love» в исполнении певицы Шаде, он решительно пересек зал.

До конца вечера с Виолеттой они уже не расставались. Конечно, он проводил ее до дома и в подъезде решительно обнял. Она слегка надулась и, вырвавшись из его нежных, но настойчивых рук, взлетела по лестнице и позвонила в дверь своей квартиры. Глеб, почувствовавший приятное томление в теле и довольный столь удачно, на его взгляд, начатым знакомством, отправился домой. Он долго не мог заснуть. Когда же его глаза закрылись, он явственно почувствовал близость нежного девичьего тела, которое он ласково гладил, упругую грудь, мягкие и вкусно свежие губы. На следующий день он пришел с цветами к Виолетте в школу. Но ее подруга передала ему записку, где девушка писала, что между ними ничего серьезного быть не может.

Это был удар – ведь Глеб был уверен, что на этот раз удастся завести серьезные отношения. И этот скорый, болезненный и однозначный ответ его сильно расстроил.

Необычные, порой сумасшедшие мысли приходят в голову в такие стрессовые моменты. Так случилось и с Глебом.

Оправившись от первого шока, он оценивающе посмотрел на стоящую перед ним Полину, которая вчера тоже бы-

ла на дискотеке. Она пыталась изобразить на лице озабоченность и сожаление, но по ее смеющимся глазам можно было догадаться, что она знает содержание письма. Почувствовав прилив симпатии, Жуков расплылся в улыбке, подарил цветы Полине и тут же назначил свидание.

Ни секунды не колеблясь, она согласилась. Впервые Глеб был активен, смел и раскован. Он сумел так очаровать Полину, что уже на третьем свидании она не устояла перед его натиском. Ярко пережив первую близость с девушкой, Глеб наконец-то почувствовал себя настоящим мужчиной. Их первый в жизни секс был бурным, хотя и неумелым. Но природные инстинкты и чутье быстро сделали свое дело. Взаимное удовольствие, сразу возникшее острое физическое влечение и новизна ощущений, сделали этот вечер особенным. Глеб открывал все новые возможности для интимных ласк, находивших благодарный отклик у первой в его жизни женщины.

Но вот странность – он продолжал думать о Виолетте, как бы в отместку которой он так успешно и быстро добился внимания ее подруги. Однако как истинный джентльмен счел необходимым отблагодарить Полину за эту новую и неповторимую страницу своей жизни. Глеб написал о ней хвалебную статью под новой рубрикой «Обаяние Орла» и поместил ее фотографию в газете. Это вызвало большой резонанс среди старшекласников орловских школ. Полина искрилась от счастья за подаренную звездность. А Глеб, получив удовольствие от произошедшего, уже через неделю решил бросить

ее ради Ульяны, другой подруги Виолетты. Но в это раз ему пришлось приложить больше усилий.

К тому времени стало известно, что Виолетта разругалась с Полиной из-за ее предательства – та стала девушкой парня, которого Виолетта отвергла. Она запретила Ульяне общаться с Полиной и с Глебом. Но разве можно обуздать непреодолимую страсть молодости к чему-то запретному? Ульяна все время вспоминала откровенные рассказы Полины о сексе с Глебом, о его красивом, стройном горячем теле, о том, как он страстно и нежно уносил ее в глубины ни с чем несравнимого удовольствия. Почему она должна отказываться от этого? Глеб – вот он, рядом, такой красивый и настойчивый!

А Глеб продолжал кружить голову Ульяне только что в полной мере постигнутой мужской страстью. Он даже почувствовал древний инстинкт охотника, выслеживающего очередную жертву. Впрочем, к девушке, которую он погрузит в мир неизведанной сексуальной радости, такое определение не применимо.

Через неделю ухаживаний, она покорила его магнетическому обаянию. Как и ожидалось, все прошло замечательно. Характерно, что Глеб стал даже нежнее к своей новой женщине. В постели он предупреждал каждое ее желание, ласково преодолевал сомнения и страхи, дарил ей новый мир удовольствия, от которого она теряла голову. Так постепенно формировался стиль поведения Глеба в постели с женщинами – нежный, необузданно страстный и одновременно

предупредительно уважительный к потребностям и желаниям партнерши.

В благодарность Глеб сделал ее второй героиней рубрики «Обаяние Орла», поместив ее самое лучшее фото с яркой статьей на первой странице «Форума». Эта публикация вызвала еще больше откликов у молодых читателей газеты.

Однако продолжать отношения с Ульяной было уже неинтересно – ведь он сполна отомстил красавице Виолетте, которая поздно поняла причину всех этих событий, и то, что произошли они в какой-то мере по ее вине.

В отличие от Полины, Ульяна продолжала страдать от разрыва с Глебом. Она не смогла скрыть свои проблемы от родителей. Поняв, что их дочь все сделала добровольно и без принуждения, исходя из соображений деликатности, и чтобы не нанести ей вреда, родители не стали раздувать публичного скандала с привлечением школы и милиции. Однако, они пообщались на повышенных тонах с матерью Глеба в больнице, где она работала, и куда они привезли на лечение потерявшую аппетит дочку.

Время лечит. Эта истина еще раз нашла свое подтверждение в случае с Ульяной. Все постепенно успокоилось и ушло в прошлое, как неприятный, но такой нередкий эпизод, который, к счастью, не повлек за собой каких-то других, вполне возможных и крайне нежелательных в таком юном возрасте последствий.

Интересно, что через весьма короткое время Виолетта,

Полина и Ульяна восстановили дружеские отношения, философски решив, что в жизни случается всякое, а детскую дружбу не заменишь ничем. Девушки даже с некоторым удовольствием обсуждали свою связь с Глебом. При этом Полина и Ульяна несколько свысока, с позиций обретенного опыта, посматривали на подругу. Порой они даже шутливо укоряли Виолетту за ее отказ, а то бы подробностей интимных встреч было бы больше.

Глеб после трудного разговора с матерью некоторое время отлеживался дома, получив справку о болезни, выписанную знакомым врачом. Когда все улеглось, он благополучно забыл и красавицу Виолетту и ее подруг.

Приобретя ореол взрослости и мужской опытности, новоявленный юный мачо, отпустивший симпатичные усики, стал уважаемым авторитетом среди одноклассников в столь специфической и крайне интересующей их сфере.

Глеб всегда сторонился Матвея Рейнджера и его компании и старался как можно реже попадаться им на глаза. Крутые пацаны местного масштаба также особо не досаждали своим вниманием, перебрасываясь приветствиями и самыми общими словами при встречах с газетчиком, как они его между собой называли. Но после слухов о его любовных приключениях, к его прозвищу добавилось еще одно, почитаемое в молодежной среде словцо, – журналист-пикапер. Вырос и его рейтинг среди районных «перцев».

В один из дней, когда Жуков, по обыкновению корпел

в редакции над очередным шедевром, в комнате появился Матвей Рейнджер и вызвал его для разговора на улицу. Выяснилось, что тот с недавних пор влюблен в красавицу Виолетту, по которой совсем недавно сходил с ума и Жуков.

Матвей Рейнджер коротко рассказал Глебу, как он пытался ухаживать за ней, и что она отказала ему в дружбе. После этого он в порядке мужской солидарности обратился к Глебу с просьбой помочь в любовных делах, уточнив, что готов превзойти Глеба в сложном процессе охмурения Виолетты и попутно перетрахать всех ее подруг, которые согласятся.

За этот своеобразный мастер-класс Матвей Рейнджер обещал покровительство молодежной газете, что подразумевало финансовую помощь и бесплатные курьерские услуги его дружков.

Глебу эта идея показалась заманчивой. Он мог отомстить заносчивой красавице, сведя ее с грозой окрестных подростков и одновременно заручиться поддержкой самого Матвея Рейнджера. Это сулило и еще одну важную перспективу. Узнав о поддержке Матвея, школьный авторитет Ефим также будет вынужден подчиниться Глебу, а это автоматически означало получение неформальной власти не только в школе, но и в их районе. У Глеба от подобной перспективы даже немного закружилась голова. Они хлопнули по рукам и подробно обсудили дальнейшие действия.

В тот же день Глеб, купив цветы, направился к Ульяне, чтобы попросить прощения. Он горячо уверял, что все вре-

мя думал о ней, а отказался от дружбы только потому, что у него тогда был тяжелый момент расставания с Полиной и он метался между ними. А сейчас вот, мол, сердце подсказывает, что по-настоящему он любит только Ульяну. Как и ожидалось, она поверила в его искренность и согласилась продолжить дружбу. Втайне она подумала и о продолжении более тесных отношений с Глебом, воспоминания о которых так приятно будили ее чувственность.

В этот раз она решила ничего не скрывать от подруг, которые, восстановив дружеские отношения, так вероломно нарушенные Глебом, объявили ему войну по всем направлениям девичьего фронта. После долгих обсуждений они одобрили ее решение, поверив, что в Глебе проснулась совесть. Наивные! Последующие события уж точно научат их быть более осмотрительными с этими коварными мужчинами.

Глебу потребовался всего месяц на то, чтобы войти в доверие ко всем трим – красавице Виолетте, брошенной, но немного утешившейся Полине и вновь окрыленной Ульяне.

Однажды подружки по приглашению Глеба собралась в редакции «Форума», чтобы обсудить какой-то интересный материал. Туда же «неожиданно» нагрянул Матвей Рейнджер со своей свитой. Виолетта хотела тотчас уйти, но Глеб остановил их, убеждая, что они быстро обсудят один важный вопрос. Девушки остались.

Говорили о том, что в газете нужно публиковать больше материалов о сиротах и одиноких пожилых людях, нуждаю-

щихся в помощи, и призывать к благотворительности. Было решено, что одежду, продукты, игрушки можно будет собирать в редакции, а уж дальше ребята вместе с социальными службами города будут развозить эти вещи старикам и в детские приюты. Матвей сказал, что они уже занимаются этим и даже показал список нуждающихся. Закончив разговор и пожав руку Глебу, он вежливо попрощался с девушками.

Трюк, придуманный Глебом, произвел колоссальный эффект и, естественно, девушки прониклись уважением к участникам благотворительной акции. Ведь раньше они знали Матвея как мелкого бандита.

Но больше всего их восхитил Жуков, который оказался не просто красивым парнем, начинающим талантливым репортером, но и человеком, думающим о пожилых людях и детях-сиротах. Стоит заметить, что такая акция ранее уже проводилась газетой. Новым было то, что теперь вещи и продукты доставлялись по адресам парнями Матвея Рейнджера, который сдержал свое слово и стал помогать Жукову.

Теперь Виолетта взглянула на Глеба по-другому. В ее глазах проскальзывала тень не то восхищения, не то уважения. В какой-то миг он даже подумал, не отказаться ли от намеченного плана. Но тут же вспомнил ее обидный отказ и желание отомстить победило остальные чувства.

В назначенный день Глеб с тремя подружками, нежно обнимая Ульяну, пришел на одну из дискотек, которая проходила в бывшем помещении ресторана. Там уже был и Матвей

с друзьями. После нескольких танцевальных мелодий, Матвей взял микрофон у ди-джея. Говорил он просто, вдумчиво и с нотками искренности. Сказал, что газета «Форум» сегодня занимается важным делом – помогает пожилым людям и детям сиротам. Все посетители клуба также могут принять участие в этой акции. И попросил приносить в редакцию газеты все, что может пригодиться нуждающимся людям. Молодежь одобрительно засвистела. На этом, как говорится, официальная часть была завершена и вновь зазвучала музыка.

Это был медленный танец. Стоявший в полумраке зала Жуков ликовал – красавица Виолетта пригласила его танцевать. Он обнял ее тонкую талию и ощутил необъяснимое волнение. Прижавшись к нему, она вдруг сказала, что жалеет о своем отказе и прямо спросила, готов ли он бросить Ульяну ради нее. Сердце Глеба дрогнуло, сжалось, затем гулко заколотилось. На миг ему показалось, что стук сердца заглушает музыку, звучавшую в зале. Он выдержал длинную паузу. В голове пронеслись все события последних месяцев. Отступать было некуда, да и незачем – Глеб все еще переживал ее отказ.

Пауза затянулась. Виолетта подумала, что он ищет наиболее подходящие слова, в его согласии она ни минуты не сомневалась. Может быть именно поэтому короткое «нет!» показалось ей оскорбительно грубым.

Как в какой-то театральной сцене девушка расплакалась.

Слезы текли по ее красивому и совершенно несчастному сейчас лицу. Громко, по-детски всхлипывая, она резко отпрыгнула от Глеба и бросилась прочь.

Для стоявшего в стороне Матвея все стало понятным. С озабоченным видом он вызвался проводить Виолетту. Она не оттолкнула Матвея, решив показать Глебу, что в любой момент найдет человека, который с успехом его заменит. В целом удачный для заговорщиков вечер завершился разборками между Ульяной и Глебом. Она обиделась, что Глеб танцевал с Виолеттой. Если честно, то Глеб не очень-то прислушивался к ее упрекам. Он находился в каком-то ступоре, не до конца понимая, почему в нем нет чувства радости и удовлетворения от того, что он отомстил. Напротив, ему стало до боли грустно, а обида вдруг превратилась в острое чувство досады. «Спектакль» близился к концу, и публика стала расходиться по домам.

Разумеется, Матвей Рейнджер приложил все усилия, чтобы успокоить Виолетту. Они начали дружить, и совсем скоро она уступила его настойчивому натиску. Матвею, уже имевшему немалый сексуальный опыт, достижение поставленной цели принесло удовлетворение. Да, он может сделать все, что задумает! Он не особенно церемонился с Виолеттой, хотя ее прекрасное тело пьянило его своей чистотой и нетронутостью. В отличие от Глеба, в их отношениях не было особой ласки, а преобладала горячность и примитивная страсть. Для Матвея был важен сам факт обладания этой недоступной

красавицей. Отсутствие нежности и робость девушки перед несравнимо более опытным партнером скоро вынудили их расстаться, что впрочем, прошло спокойно и безболезненно.

Глеб чувствовал себя после всего произошедшего последним подонком. Он даже временно потерял вкус ко всему, что любил раньше. Сократив до минимума контакты с внешним миром, посещая только школу, которую должен был закончить успешно, с хорошими показателями, он закрылся дома. Смотрел фильмы, читал книги и старался не думать о том, что происходит за стенами его квартиры.

Несмотря на это, он знал, что в городе у него имидж злодея-искусителя, человека, который способен подставить близких ему людей. Боже, как только его не называли – и мерзавцем, и предателем, и аферистом. Оставшись без редактора, который фактически был душой издания, выполняя практически всю работу, закрылась молодежная газета «Форум».

Репутация Глеба была совершенно испорчена. Но тут очень кстати последний звонок «объявил» об окончании школы и Глеб рванул в Москву, где с первой попытки поступил на факультет журналистики.

В университете он познакомился с Артемом, тот учился на факультете экономики и дополнительно осваивал компьютерное программирование. Общение с человеком, совершенно не похожим на его прежних друзей, московский стиль жизни и отношений коренным образом изменили мировос-

приятие Глеба.

Он поставил перед собой новую задачу – разбогатеть, разбогатеть быстро и во что бы то ни стало. Мечты о богатой жизни стали стимулом и движущей силой его карьеры, составляли постоянно прокручивать в голове разные способы достижения этой цели. Однажды подвыпивший Глеб, вернувшись со светского мероприятия, в котором участвовали представители бизнес элиты Москвы, и куда он попал как репортер одного малоизвестного издания, разбудил спавшего Артема, с которым они вместе снимали однокомнатную квартиру.

– Эх, Артем! Если бы ты видел этих людей, их одежду, машины и драгоценности! Если бы ты слышал, о чем они говорят! – раскрасневшийся и довольный вечером Глеб взгромоздился на диван и патетически воскликнул: – Там роскошь, богатство и власть смешались в ярком калейдоскопе! Звенят бокалы, наполненные «Дон Периньон». Слышен волшебный шорох платьев от люксовых дизайнеров и шуршание толстых пачек стодолларовых купюр! А какие там женщины! Вот это жизнь! Давай десантируемся туда и вольемся в этот божественный бал миллионеров!

Этот страстный монолог мог бы, наверное, продолжаться до бесконечности, но полусонный Артем метко запустил в него тапком и злобно произнес: Замолкни, писатель хренов!

Праздник жизни на этом завершился. Но только на сегодня. Завтра будет новый день с новыми возможностями. Еще

немного удачи и тогда в его жизни все свершится, а уж он сделает все, чтобы достичь заветной цели!

Глеб исполнил свой репертуар, его сменила талантливая девушка с низким голосом, чем-то напоминающая Ширли Хорн.

Вместе с Викторией они вышли из клуба и пошли по маленькой улице Барсело.

– Ты можешь объяснить, почему так внезапно исчез? – Виктория была немного пьяна, но не только от вина, ее пьянил мадридский воздух и атмосфера удивительного приключения, в которое она так неожиданно оказалась втянута.

– В общем, я попал в крайне неприятную историю! – Глеб шел, положив руки в карманы узких коричневых штанов-галифе, которые особенно выделялись при свете уличных фонарей, как и шоколадного цвета кроссовки, полосатая рубашка необычного фасона и подтяжки надетые крест-накрест поверх нее.

– Вот гад! Gazzarini! – Виктория умела откровенно злиться на Глеба, глядя на его стильные наряды.

– Да, ты как всегда догадлива, – непринужденно кинул он в ответ.

– Ну, так что у тебя произошло? – несмотря на приподнятое настроение, Виктория почувствовала, что уже слегка устала.

– Да глупая история! Я же работал пиар-менеджером в

«RISB», помнишь?

– Да, отлично помню!

– Ну, решил подзаработать лишних денег.

– Лишних – это сколько?

– Не меньше миллиона!

Лицо Виктории вытянулось, и она присвистнула от удивления.

На самом деле Виктория давно поняла, что Жуков, несмотря на свою интеллигентную внешность и образ пай-мальчика, отличался алчностью и любовью к деньгам. Эти его свойства она давно заметила, он постоянно и увлеченно говорил о российских миллионерах, как правило, начавших свой бизнес на нечестно заработанных миллионах.

Вспомнился рассказ Глеба, как удалось при помощи приятеля-программиста перевести тысяч десять евро с одного счета на другой и выйти чистым из воды. Видимо, Жуков решил рискнуть еще, а то и пойти ва-банк и заработать сразу на всю оставшуюся жизнь.

Глеб рассказал, что однажды в кабинет к нему зашел Родин, один из зампредов правления банка по казначейству, его приятель, они иногда пили пиво на выходных и играли в гольф. Жуков, давно лелеявший идею быстрого обогащения, решился, наконец, посвятить Родину в детали своего плана.

Директор екатеринбургского завода Вениамин Федорович Артемьев как-то обратился к нему через Андрея Бабанина, приятеля Жукова, с идеей проведения пиар-акции, свя-

занной с новыми продуктами, которые выпускал завод. Директор посетовал на жизнь и рассказал, что завод давно заложен и рано или поздно банк заберет его. Глеб очень скоро понял, что на этом деле можно подзаработать и через Бабанина дал понять директору, что можно инвестировать в завод, взяв новый капитал под банковскую гарантию. Система проста – они оценивают завод и на эту сумму получают банковскую гарантию. Работа Жукова была самой легкой – быть связным между Бабаниным и зампредом Родиным, на которого ложилась больше всего нагрузки, связанной с подготовкой документов.

Родин легко согласился, он давно хотел свести счета с ненавистным руководством банка, и немедленно подготовил всю документацию. Завод уже был оценен и международными экспертами по оценке залогового имущества, и оценщиками банка, и оценщиками самого владельца завода. Родин стремительно выпустил гарантию банка, и уже было собирался взять инвестиции в одном из европейских банков и разделить деньги между тремя сообщниками – Жуковым, Бабаниным и им самим. Ему полагалось четыре «лимона» баксов, Бабанину – три, а Жукову, как генератору идеи, оставшиеся полтора миллиона. Владелец завода деньги давать никто не собирался, их поделили в самом начале работы над «проектом».

Однако в одну отнюдь не прекрасную ночь, Жукову пришла смс о задержании Родина по подозрению в злоупотреб-

лении служебным положением и намерении завладеть чужими средствами. После того как информация о задержании подтвердилась в Интернете, а особенно после того, как стало известно, что зампред действовал сообща с другими сотрудниками банка, и это еще предстоит выяснить сотрудникам ФСБ, Жуков, не мешкая, собрал вещи. Шенгенская виза у него была открыта задолго до случившегося – на случай провала. Через два часа он уже был в аэропорту. Бабанин рванул в алма-атинский аэропорт и ждал рейс в Бангкок. Но кто сдал их? Это было неизвестно – Жуков просто бежал, бежал не оглядываясь.

– Мне оставалось только выкупить давно забронированные билеты и бежать из Москвы, – подытожил свой рассказ Глеб.

– Чего тебе не хватало? У тебя была квартира, хорошо оплачиваемая работа, ты собирался публиковать роман? – недоумевала Виктория.

– Да захотелось чего-то нового, надоела статичная, скучная банковская деятельность. Хотелось крупно заработать и жениться... – вдруг заявил Глеб.

Виктория косо взглянула на него: – Жениться? И на ком же?

– На тебе, – это заявление заставило Викторию резко остановиться.

– На мне? – она засмеялась. – На мне?

– Да, а что, разве ты не похожа на женщину, которая могла

бы выйти за меня замуж? Или ты выйдешь замуж только за олигарха?

– Вот язва! – Виктория бросилась к нему на шею. – Да ты дурак! Неужели ты пошел на эту аферу только ради меня?

Глеб в замешательстве легонько оттолкнул ее от себя.

– А что, разве ты не похожа на женщину, ради которой стоило бы рисковать?

– Что за глупые вопросы?! – Виктория злилась на него из-за странных вопросов и непонимания – только за этот поступок можно было влюбиться в него по уши. А она считала, что уже любит его.

– Но ведь чтобы предложить руку и сердце необязательно искать легкие деньги! Можно предложить просто пожить вместе, или, в конце концов, жениться и жить спокойно, работая как обычно?

– Понимаешь, я хотел получить эти деньги, уйти с работы и полностью посвятить себя тебе, путешествиям и творчеству! – Глеб не оправдывался, а всего лишь говорил то, что хотел сделать на самом деле.

– Ну, значит, судьба все-таки сделала так, что мы оказались вместе? – спросила Виктория, закрывая дверь такси, остановившегося у ее гостиницы.

Казалось, Глеб смотрел куда-то сквозь нее. Виктория тронула его за руку.

– Зайдешь? – спросила она вкрадчиво.

Он кивнул.

Глава 6. Любовь, Реал Мадрид, белый паук и мышонок

Сбросив туфли, Виктория облегченно вздохнула. После долгой прогулки по городу ей показалось, что пальцы ног, тесно сжатые модной обувью, превратились в русалочью ластву. Разминая уставшие ноги, она на миг закрыла глаза, радуясь долгожданному отдыху и возможности принять душ.

Вернувшись в комнату, она подошла к окну, любуясь панорамой города. Внезапно она ощутила руки Глеба, нежно обнявшие ее талию. Потом они медленно, но настойчиво опустились к бедрам. Через несколько секунд она почувствовала, как руки Глеба ласкают ее грудь. Виктория прижалась спиной к страстно обнимавшему ее мужчине, он легкими частыми поцелуями в шею как бы приглашал к дальнейшему и понятному обоим развитию событий.

Виктория не раз с сожалением думала, что их встречи в Москве были редкими и короткими. Да и если уж быть честной, интимных встреч было всего две. Один раз это случилось как-то наспех, хотя и очень страстно у Виктории дома, но почти сразу же Глеб заторопился на какую-то срочную и очень важную встречу, которую невозможно было отменить. Во второй раз все, на взгляд Виктории, произошло уж совсем нелепо – в ее машине, когда они вместе ездили по какому-то случаю в близлежащий городок и остановились в укромном

месте у маленькой лесной речки.

Там их чуть было не застукала в самый пикантный момент группа местных мальчишек-рыбаков. К счастью в лесной тишине они издалека слышали залиvistый лай собачонки и громкий смех ребят, успели быстро привести себя в благопристойный вид и невинно расположиться у воды. Для отвода глаз Глеб с интересом расспросил подошедших рыбаков, хорошо ли клюет в этом прекрасном уголке ближнего Подмосковья.

На обратном пути, хохоча и дурачась, они обсудили все детали этого приключения. Оба согласились, что быстрый секс в машине совсем не в их правилах и вне их сексуальных предпочтений. Вдоволь насмеявшись, они торжественно пообещали друг другу, что впредь найдут более «тихое» место для подобных моментов. Но даже во время этих коротких и каких-то неудержимо подростковых встреч, Виктория сумела почувствовать в Глебе что-то, что отвечало ее потаенным желаниям и надолго запомнилось.

А потом Жуков исчез. И сейчас мысль, что в этот раз они могут быть вместе так долго, как захотят, и ничто не может им помешать, быстро пронеслась в голове Виктории. Она повернулась к Глебу и обняла его, удвоив взаимные ласки. Руки Глеба мягко и настойчиво блуждали по ее упругим грудям, еще скрытым под одеждой. Глеб начал медленно спускать вниз лямки платья. Это приносило ему почти эстети-

ческое удовольствие – неторопливо снимать с нее одежду, чтобы после долгого перерыва вновь увидеть ее тело во всей красоте, молодости и сексуальности.

Такие же чувства обуревали и Викторию. Ей захотелось не только поскорее сбросить с себя все, что мешало полнее чувствовать нежные и сильные руки Глеба. Еще во время первой встречи она отметила, что у Глеба красивое тело, которое, возможно, не назовешь атлетическим, но широкие плечи и подтянутый торс, скрытые под рубашкой, его мужское естество вызывали у нее дрожь желания. Происходящее и то, что еще должно было случиться, все больше пьянили ее.

Виктория упала на кровать, удерживая Глеба за концы распахнутой рубашки, словно боясь, что он вдруг непостижимым образом может исчезнуть и обмануть ее ожидания. Только когда она почувствовала, как горячее обнаженное тело все теснее и теснее прижимается к ней, она внутренне успокоилась и поняла, что на этот раз все будет именно так, как ей и Глебу хотелось уже с первой встречи.

Глеб невыносимо сладко начал целовать ее. Казалось, нет на стройном и гибком, как у балерины, теле Виктории места, которое пропустили в своем путешествии его нежные и влажные губы. Виктория полностью отдалась непередаваемому наслаждению. Он учащенно и прерывисто дышал, ощущая всем телом любимую и столь желанную женщину с бархатистой и нежной кожей. Ее ухоженное тело источало неповторимый природный аромат, гармонично дополняе-

мый сладким парфюмом, который так заводил его. Виктория тонкими пальцами ласково захватывала его волосы, а потом со всей присущей ей женской нежностью и осторожностью дотрагивались до обнаженной спины, ощущая, как напрягаются мышцы.

Глеб уже давно отметил какую-то скрытую застенчивость в поведении Виктории в постели, что никак не увязывалось с ее характером и сексуальной внешностью. Это еще сильнее возбуждало и притягивало. Виктория словно бы приглашала изведать нечто удивительное и необычное. Ее осторожные прикосновения, чувственные поцелуи, едва заметный испуг в глазах и при этом готовность к полной отдаче и подчинению, давали основание ощущать себя сильным и мужественным, обязанным принести максимум наслаждения этой кроткой, но вызывающей неистовое влечение женщине.

Синхронность действий ясно указывала, что они превратились в единое существо и уже ничто не сможет разъединить их в совместном поиске полного счастья. Казалось, лучше того, что происходит, не может быть, но каждый раз Глеб или Виктория интуитивно находили точки для нового взлета и летели, летели в бесконечную высь истинной, не знающей ограничений безумной страсти...

В этот день они окончательно и бесповоротно поняли, что созданы друг для друга, как единственный мужчина для единственной женщины на все времена. Хотя жизнь преподносит нам порой немало сюрпризов...

Окно номера выходило во двор, напоминавший питерские дворы-колодцы. Со всех сторон видны были окна соседних домов. И только на стене расположенного напротив дома было нарисовано небо и море вдали, отчего казалось, что впереди есть пространство. Глеб не любил замкнутые пространства, но не настолько, чтобы говорить о клаустрофобии, тем не менее, он решил отойти от окна.

Хотя время приближалось к полудню, Виктория еще спала. Она лежала, раскинув руки, еле прикрытая простыней. Волосы разбросаны по подушке. Внезапно она открыла глаза, будто почувствовав его взгляд, зевнула и удивленно уставилась на Глеба.

– Ты мне сказал вчера, что не можешь быть со мной? Это правда или мне приснилось? – был ее первый вопрос.

Глеб отвел взгляд в сторону и снова посмотрел в окно.

– Да Вика, это так. Сейчас у меня не осталось никаких денег и тебе трудно придется со мной...

– Но подожди, подожди! Дело ведь не в деньгах. У меня шенгенская мультивиза, я могу ездить к тебе. В конце концов уволиться, приехать сюда и жить с тобой, понимаешь?

– И ты будешь ждать меня с утра до вечера, готовить мне ужин?

– Нет, ну конечно, ждать мне будет приятно, но я ведь

тоже смогу устроиться на работу?

– Официанткой?

Виктория зло посмотрела на него.

– Да хоть фотомodelью! – почти выкрикнула она.

Глеб посмотрел на нее оценивающе и улыбнулся.

– Да, из тебя выйдет прекрасная фотомodelь, – нежно произнес он. – Ты красавица, неземная просто!

Виктория жеманно встряхнула волосами, словно подтверждая его слова, и выжидающе посмотрела, как бы говоря, что ждет окончательного ответа.

– Нет, я не смогу так – вырвать тебя из нормальной жизни в Москве, чтобы ты здесь мучилась и зарабатывала деньги, помогая мне! Нет! Сказал, нет! – категорично заявил он.

– Но я могу продать свою квартиру в Киеве, машину, ты продашь свою квартиру, и мы сможем купить жилье и даже прикупить небольшой магазин, если не здесь, то где-нибудь в Андалусии?

– Мою квартиру, наверно, уже изъяли, или, по крайней мере, на нее наложили арест.

– Но в Интернете ничего не говорится о тебе, хочешь, я узнаю, что там происходит, как только вернусь в Москву?

– Да, узнай, пожалуйста. Ну ладно, мне надо собираться на работу.

– На работу? Мне казалось, что ты работаешь по вечерам?

– Днем я тоже работаю, администратором...

Виктория изумленно подняла брови:

– Администратором? В том же клубе, где и поешь?

– Ты любишь футбол? – спросил в ответ Глеб.

– Футбол? Не очень, но мне нравится форвард мадридского «Реала» Урбано Манрикес, – сказала Виктория так, будто давно ждала подходящий момент, чтобы поделиться этим.

– Да? – ревниво переспросил Глеб.

– Да, – ответила Виктория и откинула простыню.

– Тогда я тебя обрадую, я работаю администратором сувенирного магазина на главном стадионе Мадрида, – заявил Глеб так, словно получил должность Генерального секретаря ООН. – Виктория удивленно пожала плечами: – И?

– И мы пойдем на матч. Кстати, от Манрикеса ушла девушка. Сейчас он, видимо, в поисках, – добавил Глеб.

Не обратив внимания на эту информацию, Виктория соскользнула с кровати и исчезла в ванной.

* * *

Первый тайм проходил как-то вяло и неинтересно. Мадридскому «Реалу» требовалось проворней пасовать, но каждый, видимо, хотел владеть мячом единолично. Было видно, что игрокам не хватает командного духа. Однако Урбано горячо отбивал яростные атаки «Атлетико», которому долго пришлось катать мяч на своей половине поля, они все пытались отправить его повыше и подальше, но он быстро возвращался назад.

Второй тайм начался с атак «Реала» который, казалось, проснулся и захватил полный контроль над мячом. Урбано ворвался в штрафную с правой стороны и сильно пробил по воротам, но голкипер соперников смог отбить мяч. Болельщики «Реала» тяжело и досадливо вздохнули.

– Ты вообще понимаешь, что ты говоришь? Я не собираюсь с ним знакомиться! Значит, ты меня не любишь, раз толкаешь на это! – Виктория гневно сопротивлялась идее Жукова познакомить ее с Урбано Манрикесом. – Ты ни капельки не влюблен в меня и не любил, оказывается! А я-то обрадовалась, увидев тебя в этом подвальном баре, где ты корчил из себя Синатру. Я подумала, что это судьба. Какие же мы бабы наивные!

– Да успокойся ты! Чего так злиться? Тебе с ним все равно будет лучше, он обеспеченный чувак. Понимаешь?

– Только из-за этого?

– И не только! О нем мечтает четверть женского населения планеты, а ты сидишь и выпендриваешься! Да сдался я тебе! Что я смогу сделать для тебя в этом Мадриде? Будешь ходить пешком и ездить в метро!!! Это я тебе обещаю точно!

– К тому же ты шмоточник! – Виктория подытожила разговор, уничижительно посмотрев на его дорогие джинсы и белую курточку от Gaudi. – Ты шмоточник и зануда!

Глеб, как будто успокоившись, отвернулся и стал следить за игрой.

– Ты, наверное, боишься, что я перееду жить к тебе и ста-

ну обузой, я тебя вполне понимаю...

– Да не в этом дело! – спокойно ответил Глеб, продолжая следить за игрой. – Не в этом дело, просто тебе стоило бы с Урбано завязать отношения. У вас может получиться...

– Ты псих, – грустно ответила Виктория. – Знаешь почему? Потому что этим самым ты доказываешь, что ты просто не любишь меня...

Повисла пауза. Быстрая испанская речь болельщиков, их громкие выкрики не давали сосредоточиться, и всё же через некоторое время Глеб буркнул:

– Я тебя люблю и потому хочу, чтобы ты была счастлива!

Виктория никак не отреагировала и не отрывала глаз от поля – казалось, она была увлечена игрой. Авантюризм в ее душе боролся с теплыми чувствами к Глебу. Еще немного и она могла бы влюбиться, полностью посвятить ему свою жизнь, но неожиданное поведение Жукова, который хотя и говорил, что любит, но в то же время толкал ее к другому человеку, смущало.

Почему он так убежден, что у нее что-то получится с этим футболистом? Ведь таких людей, как правило, увлекают только манекенщицы с известными именами? Виктория, конечно, обладает внешностью, не уступающей Наталии Водяновой, но ведь она далеко не знаменитость ни у себя на родине, ни тем более в Европе. Откуда такая твердая уверенность, что Урбано заинтересуется ею? Вечно он схватится за что-то невероятное и упорно требует его исполнения.

– Жуков! – она резко повернулась так, что тот дернулся, будто ему что-то угрожало. И в самом деле, ему показалось, что Виктория собирается предупредить о приближающейся опасности. Он уже привык думать, что его вот-вот схватит Интерпол.

– Каким образом я познакомлюсь с ним? – спросила Виктория, и Глеб понял, что она решилась на сомнительную авантюру.

* * *

Покончив с пудингом «крема каталана», Виктория энергично взялась за другую тарелку. Со стороны могло показаться, что она давно не ела сладкого, но потребность в нем всегда появлялось у нее в моменты сильной озабоченности или тяжелых переживаний. Решительно хрустнув медовым турроном, Виктория обронила на стол кусочки орехов. Затем сделала несколько глотков шампанского. Удовольствие от сладостей и любимого шампанского быстро сменилось тревогой от волновавших ее мыслей. Почти автоматически она смахнула со скатерти крошки, скорее потому, что их присутствие было ей неприятно, чем из-за беспокойства за опрятность столика в модном ресторане «Эль Плато» на площади Кановас де Кастильо, куда она забрела, погруженная в тяжелые раздумья.

Горькое сознание, что Жуков предпочел ей свободную

жизнь, не давало покоя самолюбию. Жалость и сочувствие к себе охватили ее. Скорее всего ей не везет с мужчинами, потому что на ней лежит венец безбрачия. Последняя ночь с Глебом в отеле – всего лишь еще одна попытка осуществить их внутренние, может быть и не в полной мере осознаваемые планы на совместное будущее.

Женщине часто кажется, что особая искорка, промелькнувшая во взгляде мужчины, или явно ощущаемая теплота жестов и голоса – сигнал, что этот мужчина входит в ее жизнь волею судьбы. А если это так, то и ей нужно сделать все, чтобы судьба осталась довольна. Конечно, порой и мужчины бывают не менее коварны, чем женщины, используют разнообразные приемы и трюки, чтобы показать, что их единение предопределено свыше. Но практически всегда, рано или поздно, лукавство и обман становятся явными, принося разочарование, страдание или обиду друг на друга.

Но искренность отношения Глеба к Виктории была очевидна. В нем не было трюкачества или простого флирта, цель которого любыми способами заманить женщину в постель и поставить еще один плюс в перечне своих мужских побед. Искренность Глеба подтверждалась видимым беспокойством о ее будущем и нежеланием связывать себя серьезными отношениями, поскольку он не может дать ей того, что он считал необходимым.

В этой истории Виктории было не совсем понятно, откуда у Глеба появились меркантильные соображения, что он дол-

жен обеспечить ее по полной программе, границы которой он четко определил. Неужели она каким-то образом дала ему понять, что любой нормальной девушке нужен прежде всего обеспеченный муж?

Конечно, Виктория далека от примитивного восприятия жизни типа «с милым рай и в шалаше», но ведь ей, прежде всего, хочется простой человеческой любви. Любви к мужчине, который, так же как и она, самоотверженно и сильно полюбил бы ее. Она была готова к совместному с любимым человеком преодолению житейских трудностей и созданию такого будущего, которое отвечало бы ее идеалу.

Вспоминая о своих неудачах в поисках единственного человека, который бы отвечал ее ожиданиям, она подумала, что может быть стоит изменить своим принципам. Почему бы не найти самостоятельного, много достигшего в жизни человека, с которым можно было бы спокойно, во взаимном уважении, прожить долгие годы, реализуя свои мечты. Ведь так живут многие, кто создал семьи без страстной, всепоглощающей любви. Тем не менее, они по-своему счастливы и долгие годы живут согреваемые мягким теплом домашнего очага и взаимной симпатией, которая сродни спокойной безыскусной любви. Наверное, такой путь тоже возможен и даже приемлем для нее.

Мысли вновь вернулись к Глебу. Если судить по его рассказам, он почти готов, как говорится, предложить руку и сердце. А жениться – значит быть готовым к серьезным и ста-

бильным отношениям, к появлению детей. Почему же сейчас он отказывается от этого и упорно доказывает, что ей нужен другой мужчина, такой как Урбано Манрикес? Значит, про женитьбу было сказано для красного словца? Значит, он не испытывает к ней никаких чувств, коль готов спокойно отдать другому, как использованную и ненужную вещь?!

Виктория энергично разжевала последний туррон, вкладывая в этот процесс не только удовольствие, но и злость к Жукову. Почему радость и злость всегда идут друг за другом? Почему, наслаждаясь сладким, думаешь о горьком? Неужели так устроена жизнь? Подумав, что это очень непростой и даже философский вопрос, над которым нужно подумать в другом месте и в другой ситуации, она заказала еще бокал шампанского.

Вдруг на Викторию нахлынули воспоминания детства. Она – маленькая пятилетняя девочка, никогда не любившая играть в куклы. Ей нравились конструкторы, наверное, потому, что их дарили чаще, чем что-то девчачье. Она все время пыталась выстроить из этих разнообразных, но в чем-то похожих конструкторов идеальный дом, где будут жить все вместе – Виктория, ее муж и дети. Дом почему-то всегда получался не таким, каким она его мысленно представляла. Те игрушки, что у нее были, не позволяли собрать обычную по ее представлению семью, где все так или иначе должны быть похожи друг на друга.

В роли папы долго выступал медведь, одетый в русский кафтан, она сама была мамой в теле маленькой куклы-карапуза с двигающимися руками и ногами, в ее детском представлении красиво одетой, а в роли детей выступали солдатики, невесть откуда появившиеся, но скорее всего подаренные соседским мальчиком.

Виктории не нравилось, что члены созданной ею семьи были разными и непохожими. Но выбора у нее не было, а просить родителей купить что-нибудь более подходящее ей и в голову не приходило, потому что просить она не умела даже совсем маленькой.

Укладывая спать мишку-отца, она каждый раз приходила в ужас, понимая, что муж у нее совсем не хорош и вдобавок непонятного возраста. А поскольку лицо куклы-карапуза не соответствовало платью, то и себя она чувствовала далеко не красавицей. Их детки – солдатики, которых приходилось укладывать спать вместе с ружьями, не всегда помещались в устроенном жилище. Поэтому Виктории приходилось по несколько раз все переделывать.

Впрочем, мишка-муж ей вскоре надоел, и она нашла себе нового – сувенирного японского самурая, которого отец привез из дальней поездки. Карапуз в женском обличье был заменен на старую куклу с невпопад открывающимися и закрывающимися кукольно-красивыми удивленными глазами, которая хриплым голосом произносила «мама». Из-за своих размеров ей приходилось спать не в домике, а рядом с ним.

Чтобы объяснить ситуацию, Виктория придумала, что семья живет в жаркой стране, поэтому родители спят на улице, а дети дома. Солдатики вскоре заменили две маленькие принцессы, правда в средневековых нарядах, но, по крайней мере, теперь у всех персонажей внешность была почти одинаковая – человеческая.

Когда Виктория была не в духе, это отражалось и на игре. Тогда одна из принцесс, или сразу обе, злясь на папу или маму, угрожали уйти в армию и стать солдатами, а чаще всего предупреждали, что позовут настоящего отца-медведя. На следующем этапе место гигантской куклы-мамы заняла Дюймовочка. Кукольная семья стала как-то ближе к идеальной. Дюймовочка и японский самурай могли бы составить превосходную пару, но вскоре у Виктории появились другие увлечения.

Ее основным хобби стали видеоигры. Потом ей подарили фотоаппарат, и она увлеклась фотографией, потом стала ходить на курсы английского. Когда ей исполнилось 10 лет, родственники подарили ей кукольную пару – Барби и Кена, набор маленьких бытовых предметов и игрушечный дом. Попробовав построить дом и уложив Кена с Барби в постель, она подумала, что медведь и самурай выглядели лучше и были роднее. Она убрала Барби и Кена в коробку, и они надолго оказались под кроватью. Спустя пару лет, когда Виктория решила, что детство закончилось, она без сожаления подарила это кукольное богатство своей двоюродной сестре.

Официант поставил на стол новый бокал шампанского и предложил принести пирожное, но Виктория отказалась – съела уже достаточно. Еще немного сладкого и появятся неприятные ощущения над переносицей. Это странное свойство сопровождает ее с детства, как некий дозатор, срабатывающий в моменты, когда со сладким явный перебор.

Виктория вернулась мыслями к Глебу. Ну как же можно верить в чудеса, когда мужчины все возвышенное превращают в житейски тривиальное бытие?

Когда она увидела его поющим на сцене ночного клуба, ей показалось, что в ее жизни произошло нечто значительное и, быть может, даже в жизни Глеба. Если бы это были кадры из старого доброго фильма, то в этом месте должен был бы звучать известный любовно-романтический хит, подчеркивающий и оттеняющий важность момента. Виктория всецело поверила в знаковость неожиданного события. Что касается Глеба, то он страстными поцелуями и обжигающими ласками в ту памятную ночь еще больше убедил ее в этом.

Теперь, когда им по исстари заведенному обычаю, во всех деталях описанному в бесчисленном множестве романов, следовало объясниться во взаимной любви и перейти к более серьезным отношениям, оказалось, что Глеб к ним не готов. Стало понятно, что он вообще не планирует никаких конкретных изменений.

Виктория раздраженно окинула взглядом полупустой в

это время дня зал. Звучала классическая музыка, похоже, Моцарт. Почему-то именно сегодня эта музыка настраивала на романтическое восприятие всего, что связано с Жуковым. Воспоминания о первом вечере, проведенном с ним в Мадриде, казались возвышенными, почти сказочными. Этому способствовал и терпкий вкус хорошего шампанского.

Но сейчас ей хотелось чего-то, что могло бы отвлечь от Глеба, что вызвало бы в душе хоть чуточку ненависти к нему. Она ни за что не хотела признаться себе, что влюбилась. Но, внезапно осознав это, подумала, что стоит завтра же взять билет и вернуться в Москву. Вдруг мысли ее снова изменились.

Она уверяла себя, что в поведении Глеба, в его манерах, разговоре, взгляде, неистовых и одновременно невыносимо нежных и искусных ласках было что-то такое, что вызывало страстное желание быть рядом с ним всю жизнь.

«Черт!» – вырвалось у Виктории. Она обхватила руками свою несчастную, разрываемую противоречивыми мыслями голову. Как во всем этом разобраться и что делать? Впрочем, лишь наивные верят, что мужчина легко и быстро окупнется с головой в вихрь любовных отношений. Но ведь существует огромное количество мужчин и женщин, которые делают это?

Значит, Глеб недостаточно любит ее. Вот и весь ответ. Да он не любит ее вообще! Боже, как это жестоко! – Виктория прикрыла глаза и несколько театрально покачала голо-

вой в знак разочарования. Внутренний диалог и столкновение противоречивых мыслей отражались на ее красивом лице. Если бы кто-то наблюдал за ней, это могло привлечь внимание, но Виктория была слишком погружена в себя, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Все же она посмотрела украдкой на посетителей – все были заняты разговорами. Чтобы взбодриться, она отпила шампанского и стала вспоминать смешные случаи из своей жизни. Выражение ее лица сразу изменилось, и она даже тихонько рассмеялась.

Молодой официант внимательно наблюдал за ней. Его привлекала эта красивая девушка. Время от времени она закрывала глаза, хваталась за виски, встряхивала своими чудесными волосами, затем на лицо ее ложилась тень грусти, которая вдруг сменялась лучезарной и веселой улыбкой. Было понятно, что она чем-то очень взволнована.

Мысли Виктории продолжали свой хаотичный танец. Внезапно вспомнив фамилию Глеба, она почему-то представила маленького жучка, скорее всего божью коровку, которая летает и садится, где ей вздумается, не боясь, что кто-то причинит ей вред только потому, что она божья и по поверью, приносит радость.

Потом, по какой-то непонятной аналогии, она вспомнила о крупном белом пауке, который однажды поселился в ее мини купере. Виктория, как практически все девушки, панически боялась змей, пауков и прочих гадов. В первый раз она заметила его по-хозяйски медленно спускающегося по

внутренней поверхности стойки бокового окна с ее стороны. В этот момент она была в самой гуще автомобильного движения и не могла ни притормозить, ни остановиться. Поэтому лишь пронзительно заойкала, пока он не исчез в какой-то щелке, видимо ощутив неприятные акустические вибрации.

Поставив машину на стоянку, она не приближалась к ней десять дней, искренне надеясь, что за это время паук погибнет от голода или найдет более комфортное жилище. Сев на одиннадцатый день в машину, она быстро влилась в городское движение. Именно в этот момент он появился вновь, как будто зная, что руки Виктории заняты, а арахнофобия не позволит стукнуть его рукой. Такое издевательство было трудно стерпеть. Схватив клатч с недавно снятой со счета крупной суммой денег, она стала бить его, левой рукой продолжая управлять машиной. Уцепившись за клатч, бедолага вдруг замер, вероятно думая, что на этом атака и завершится. Известно, что женский ум очень находчив, особенно в стрессовых ситуациях. Виктория открыла правое пассажирское окно, чтобы выбросить клатч вместе с ужасным пауком, но вспомнила про деньги. И стала трясти его так, что паук, не выдержав шквального ветра за бортом, улетел в неизвестном направлении...

– А еще говорят, что пауки не летают, – усмехнулась она.

Но уж совсем не повезло мышке, о которой с грустью вспомнила Виктория. Уезжая с очередного пикника, Виктория не заметила, как в машину пробралась мышка, точнее

это был маленький мышонок. Его присутствие выдавала горка характерных мелких черных зернышек в салоне прямо под шторкой заднего окна. Виктория тщательно убирала их, но мышонок с завидным постоянством оставлял новые. Она не могла понять, где он брал провизию, пока спустя месяц не нашла под передним сидением зачерствевшую вафлю.

Виктория несколько раз видела мышонка в тот момент, когда он быстро перебегал уже знакомыми тропками, исчезая всякий раз, как только она пыталась обернуться, чтобы ударить его специально приготовленной щеткой для мытья машины. Но мышонок вел себя незаметно, и Виктория даже не догадывалась, что пока она ведет машину и одновременно разговаривает по мобильнику, он прогуливается по заднему сидению, а потом спрыгивает и бежит перекусить полюбившейся вафлей.

Однажды Виктория неслась на приличной скорости. Вдруг она заметила в зеркале отчаянного «маленького Стюарта», который взобравшись к окну задней двери, созерцал быстро меняющийся пейзаж. Виктория быстро нашла решение и нажала кнопку. Два задних окна одновременно опустились. Мышонок продолжал сидеть, не догадываясь о ее коварном плане. А может, просто не мог шевельнуться от неожиданно налетевшего ураганного ветра. Виктория нажала на акселератор, и мини купер набрал скорость. Она с ликованием наблюдала, как мышонок из-за всех сил цеплялся лапками. Его мордочка с испуганными маленькими влажными

ми глазками дрожала, шерстка трепетала, и он, словно парализованный, замер, предчувствуя конец. Через несколько секунд он сорвался и вылетел в окно – в неизвестность.

Виктория, конечно же, одержала победу. Но, закрыв окна и сбросив скорость, она вдруг загрустила и даже всплакнула. Ей стало жалко малыша. Весь следующий день она думала о своем, казавшемся ей теперь отвратительном поступке. Корила себя, называя беспощадной и глупой ведьмой. Но ведь раскаяние всегда приходит с опозданием.

Можно было с уверенностью утверждать, что в сложившейся ситуации она сравнивает себя с этим мышонком. Только теперь в его роли она сама, а распахнул перед ней окно в неизвестность Жуков, действовавший столь же жестоко и необдуманно, как поступила когда-то она.

Хотя разница и существенная, все же была. Жуков предлагал Виктории альтернативу разлуке, причем очень приемлемую по его разумению – Урбано Манрикеса. Но от этого было не легче. Какой женщине будет приятно, если мужчина отвергнет ее и предложит вместо себя другого, мотивируя тем, что тот лучше, чем он. Каким надо быть прагматиком, чтобы отказываться от любви и искать более комфортный вариант, причем прежде всего для себя.

Пусть даже Урбано Манрикес полюбит ее и будет готов жениться – Жуков в любом случае избавляется от Виктории! Его попытки убедить ее, что это тот мужчина, который ей нужен, оказались на поверку простым способом отвергнуть

ее.

Глаза Виктории сверкнули злым огнем. Коль так, решено! Она отомстит и сделает все, чтобы футболист действительно влюбился.

– Что ж, Глебушка, пусть так и будет! – решительно произнесла Виктория, пристально глядя на искрящееся шампанское и закрепляя решение глотком шампанского. Казалось, сейчас она вполне способна на все в достижении поставленной цели.

Лицо официанта выражало серьезное опасение – он явно прикидывал в уме возможные варианты развития событий.

Глава 7. Like a virgin

По стильной, хотя и несколько небрежной спортивной одежде, растрепанным седым волосам, плохо сочетающимся с аккуратно подстриженной полуседой бородкой, и часам Pirelli на левой руке в подошедшем мужчине легко угадывался серьезный любитель футбола. Он внимательно рассматривал выбранную футболку и пытался что-то нащупать на вышитой короне логотипа «Реал Мадрид», оглядывал другие модели, но снова возвращался к футболке, которую держал в руках. Типичная тенниска, вроде той, что была на нем, но с характерными логотипами и номерами.

Мужчина вопросительно посмотрел на Глеба, которому не хотелось сейчас ни с кем общаться. Однако, он резко двинулся в сторону покупателя, делая усилие, чтобы изменить хмурое выражение лица на некое подобие приветливой улыбки. Похоже, мужчина понял настроение Глеба, поскольку на его лице появилось виноватое выражение. Он быстро спросил, есть ли такие же футболки с логотипом, но без номера игрока. Поначалу показалось, что Глеб его не понял из-за беспорядочного набора испанских слов, но быстро сообразив, о чем его спрашивают, он ответил, что, к сожалению, таких футболок нет. Потом повторил это еще раз, более доброжелательно и громко.

– Как жалко, – произнес мужчина с сильным французским

акцентом, но Глебу почему-то подумалось, что он из Бельгии. Мужчина продолжал смотреть на футболку и примерять ее на себя.

– Думаю, вам нужно выбрать свое любимое число, тогда я найду ваш размер, – в этот раз Глеб улыбнулся уже более искренне, решив, несмотря на грустные мысли, все же сосредоточиться на работе.

Турист растерянно мотнул головой, показывая, что не понимает. Его знания испанского ограничивались лишь самыми необходимыми фразами. Тогда Глеб произнес то же самое на английском. Мужчина радостно заулыбался и объяснил, что в Брюсселе он видел такую же, но без номера, и что он отложил покупку, но не нашел времени забежать в магазин перед отъездом.

На вопрос, живет ли покупатель в Брюсселе, тот энергично кивнул головой. Тогда, пошутил Глеб, он может приобрести понравившуюся ему вещь еще раз и у него будут две разные футболки – одна бельгийская, вторая испанская, хотя, по правде сказать, обе сделаны в Китае. Мужчина понимающе рассмеялся и показал цифру 6.

– Номер Урбано Манрикеса, – произнес Глеб без эмоций. Мужчина подал ему футболку, которую так долго рассматривал. На ней была шестерка. Дурное настроение снова охватило Глеба. Посмотрев на мужчину, внимательно изучавшего открытки, он решительно переставил кубки, расстояние между которыми показалось ему не совсем идеальным. И

вновь погрузился в свои переживания.

Конечно, Виктория могла не приехать в Мадрид, и они могли не встретиться. Тогда все сложилось бы совсем иначе. Глеб понимал, что в своей новой жизни, он вполне мог обойтись без ее взбалмошного характера, ласкового взгляда и нежной кожи. Вместе с тем, еще при первой встрече Глеб понял – с этой женщиной можно иметь не только кратковременную связь, они могли бы стать хорошей парой и надолго.

Однако боявшийся всякого рода ответственности, Глеб думал, что если он полюбит Викторию, то просто обязан будет огородить ее от любого рода хлопот и, прежде всего материальных. Почему эта чудная мысль засела в его голове, он и сам не знал.

Глеб действительно поверил, что Виктория может и должна выйти замуж за человека, у которого нет материальных проблем, и который сможет уберечь ее от каждодневной рутины – он с полным основанием считал себя гедонистом.

Глеб всегда стремился получать от жизни только наслаждение. И, вероятно, больше боялся не за Викторию, а за себя. Он терпеть не мог обсуждать бытовые вопросы даже с матерью, например, какое стиральное средство наиболее эффективно, какая жидкость для мытья посуды лучше. Он ненавидел моменты, когда начинал течь кран или неожиданно сгорал фен. И почти с содроганием думал, что когда-нибудь их маленький ребенок будет просыпаться ночью и ему придется менять подгузники и кормить из соски.

Подобными утомительными делами должен был заниматься кто-то другой, но не он или женщина, которую бы он нежно и страстно любил. Их задача — занятие любимым делом, шопингом или другими более приятными делами, например, паломничеством на Тибет или, в конце концов, игрой в гольф. Разумеется, чтобы быть свободным от рутинных дел и заниматься тем, чего требует душа, нужны серьезные деньги.

И вот из-за своих неудачных попыток молниеносно разбогатеть, побега из Москвы и внезапного появления Виктории в Мадриде, Глеб понял, что ему придется сделать тяжелый выбор между свободной жизнью и страстным влечением к Виктории. Признать, что он любит ее, было для него крайне трудно, так же, как человеку, никогда не видевшему привидений, признать, что они существуют.

Способен ли Глеб осуществить мечту прекрасной женщины быть любимой, при этом обеспечив ее всем, что он считает необходимым и обязательным? Наверное, если бы его мысли были бы скромнее и реальнее, то, скорее всего, двухкомнатной квартиры в Москве и должности, которую он занимал в успешном банке, было бы достаточно, чтобы сделать Виктории предложение.

Но он глубоко уверовал в то, что неизвестный начинающий писатель, потерявший по глупости доходную работу и спокойную жизнь в Москве, подрабатывающий ночным пением и работой в сувенирном магазине Мадрида, менее ин-

тересен, чем известный испанский форвард популярнейшего и богатого футбольного клуба. А все ее надежды на продажу квартиры в Москве и покупку дома в одной из провинций Испании были чистой иллюзией. Даже если бы это каким-то чудом и произошло, здесь тоже появились бы бытовые хлопоты и неизбежные заботы, которые рано или поздно погубили бы их любовь и нежность. Он был уверен, что при таком раскладе неизбежно наступит момент, когда любящие друг друга люди внезапно обнаруживают, что им не о чем говорить. К чему же тогда эти трудности и нелепые усилия?

Если же у Виктории с Урбано Манрикесом все сложится благополучно, то, как полагал Глеб, все заботы о домашнем хозяйстве лягут на плечи прислуги, а Виктория – красивая и желанная женщина, сможет больше внимания уделять мужу, получая настоящее удовлетворение от жизни.

Глеб, конечно же, не был настолько наивен, чтобы думать о женщине как о существе, не приносящем мужчине ничего кроме наслаждения. Безусловно, он понимал, что в абсолютном большинстве женщины считают своим главным предназначением рождение и воспитание детей. И здесь с Урбано тоже все могло получиться наилучшим образом – он молод, красив и силен. Несмотря на многочисленные связи, он до последнего времени сохранял благоразумие, удачно избегая появления внебрачных детей. Тем более долгожданными станут дети, рожденные любимой женщиной, и это еще больше укрепит их брак.

Успешный, богатый, знаменитый Урбано способен дать Виктории все то, чего она при ее красоте, изяществе и порядочности, явно отличающих ее от других девушек, с которыми встречался Глеб, была достойна. Из девичьих грез и смутных планов о совместном с Глебом будущем она могла бы окунуться в реальную жизнь подлинного богатства, славы, житейской устроенности и, конечно (Глеб уверил себя в этом) истинной любви. Ему казалось, что Виктория понравится Урбано с первых минут встречи, он почти уверовал в это.

Зная из газет о произошедшем несколько месяцев назад разрыве Урбано с Бимбой Зулоаги, Глеб невольно сравнивал ее и Викторию. Фотографии Бимбы все реже можно было встретить в модных журналах и на городских билбордах в компании с другими моделями. Наверное, разрыв с Урбано поумерил интерес к его бывшей подруге, а может и сама Бимба решила сосредоточиться на учебе и будущей адвокатской карьере. С мастерски сделанных фотографий она смотрела пронизывающим и раскованным взглядом, от которого мужчины млеют. В этом было огромное сходство между Викторией Вайдман и Бимбой Зулоаги.

У обеих были похожие точеные фигуры, блестящие и соблазнительно-волнистые волосы, классически прямые носики и удивительно чувственные губы, которые как бы приглашали к поцелуям и обещали подарить неземное блаженство. Потому Глеб склонен был верить, что даже избалованный

женским вниманием Урбано непременно обратит внимание на такую яркую девушку. Скорее всего, он даже влюбится, значит, Виктория будет с ним счастлива. И он мысленно благодарил природу, которая подарила ей такую внешность.

Размышления Глеба прервал турист из Брюсселя. Выбрав открытки, он, улыбаясь, подошел и попросил упаковать их вместе с футболкой. С трудом отвлекшись от тяжелых раздумий, Глеб посмотрел на него дежурно-учтивым взглядом.

– А вот эту я отправлю по почте родным прямо сегодня, – мужчина показал открытку, где был запечатлен стадион Сантьягу Бернабеу, видимо, ожидая от Глеба одобрительного комментария, но тот равнодушно бросил: – Потрясающий вид! Бельгиец с сомнением посмотрел на Глеба и сказал: – Ну что ж, пойду, гляну еще чего-нибудь. Глеб с озабоченным видом начал складывать открытки в фирменный конверт.

Вдруг он вспомнил об Алехандро, который сыграл не последнюю роль в его переезде в Мадрид. Как энергично он доказывал, что Мадрид – замечательный и самый модный город в мире. Глеба несколько смущало, что его друг гей, к тому же только Алехандро смог действительно помочь ему в трудную минуту. Благодаря его советам и хлопотам, он получил работу сразу в двух местах и имеет стабильный заработок.

Постепенно Глеб стал привыкать к спокойной и неторопливой жизни в Мадриде. Пусть работа в магазине и не соот-

ветствовала его амбициям, но он мог уверенно сказать, что не прозябает здесь. У него хватало и денег, и времени посещать самые интересные места в городе. Алехандро часто сопровождал его и показывал магазины и галереи, которые обычному туристу было не найти.

Сердце Глеба вновь сжалось. Он вспомнил о своей первой встрече с Викторией и о страстных, хотя и кратких свиданиях в Москве, после которых известные обстоятельства заставили его срочно уехать в Мадрид. Тогда он решил, что у Виктории своя жизнь и им, скорее всего, придется забыть друг друга.

Глебу до сих пор не верилось, что Виктория вот так запросто и внезапно материализовалась в Мадриде, дав ему еще один шанс принять серьезное решение об их дальнейших отношениях. Вряд ли ему удалось бы поверить в то, что он себя не обманывает, а он был уверен, что это обман. Обман самого себя и Виктории. И потому ни ему, ни ей эти отношения не нужны. Но коль скоро они встретились и у него есть реальный шанс познакомить ее с Урбано Манрикесом, он это сделает.

Возможно, он принял это как вызов судьбы, как некую миссию, которую должен выполнить, чтобы спасти Викторию от ненужной любви к нему, спасти себя от утомительных серьезных отношений. Придя к такому умозаключению, Глеб почувствовал некоторое облегчение. Уменьшилась тяжесть в груди, и он даже немного воспрянул духом, надеясь,

что преодолеет угнетающее его состояние жертвенности.

В это время подошедший бельгиец очередным вопросом вернул Глеба к действительности и тот не смог скрыть досаду. Не совсем понимая ее причину, покупатель воспринял это как недостаток сервиса. Он обиженно поставил на прилавок кружку с изображением всей команды «Реал Мадрид» и молчаливо дал знать, чтобы хочет расплатиться. Девушка, помогавшая Глебу за кассой, быстро приняла деньги.

Глеб вновь сделал над собой усилие, вызывая дежурную улыбку. Провожая покупателя, он поблагодарил его за покупку. Турист смягчился и вновь обратился с вопросом:

– У вас прекрасный английский, где вы изучали его?

– В Москве, – гордо произнес Глеб и добавил. – В Москве самые лучшие университеты! – Он сам не понял, зачем это сказал, будто бы вызывая незнакомого человека на продолжение разговора.

Бельгиец приподнял в знак удивления брови, принял пакет с покупками от девушки и произнес на прощание: – Значит, я зря потратил время в Лондоне, изучая английский. Нужно было ехать в Россию?

– Думаю, там научат и хорошему испанскому, – ответил Глеб и вдруг понял, что это прозвучало обидно.

– Hasta la vista, – неуверенно бросил бельгиец напоследок и вышел из магазина.

Глеб подошел к окну, чтобы избежать комментария своей помощницы.

Как же тяжело отказаться от человека, который и образом и словами, и своей страстностью притягивал, как трудно победить свои чувства. Душа Глеба изнывала.

Он не мог поверить, что у любви к этой девушке есть перспектива, окунаясь в горькое осознание неизбежной действительности. В какой-то момент он почувствовал себя трусом. Он трусит перед обстоятельствами. Он боится ответственности перед женщиной, он боится всего: рождения ребенка, потери личной свободы. Над ним продолжал довлеть страх превращения привычной жизни в серые будни детских подгузников и, как он иногда называл это по-английски, “co-sharing budget” – совместного сбора средств для существования. Вот чего он боялся.

И одновременно он боялся признаться себе в этом, прикрываясь высокими мыслями о том, что должен обеспечить избраннице беззаботную жизнь. Говоря откровенно, он был готов отдать любимую женщину более богатому мужчине, чтобы не иметь лишних хлопот, пусть даже сердце болит от любви и страсти, пусть тело просит прикосновений к этой женщине, которая вызывает непреодолимое искушение и сладость.

Да, он был трусом. И теперь он осознал это в полном объеме. Хотя бы в этом он должен быть честен перед самим собой. От своей искренности Глебу стало легче. На ситуацию можно посмотреть так, что он передает милого домашнего

питомца в добрые руки, зная, что в новом доме его не обидят и вовремя дадут миску теплого молока. Совершив такой поступок, становится легче жить. Ты переложил свои заботы на других, окрылен вновь вернувшейся свободой. И готов к новым встречам и удовольствиям, которые, быть может, принесут совершенно иные ощущения.

* * *

Расположенный в северной части Мадрида в районе Чамартин стадион Сантьягу Бернабеу, где проходят домашние тренировки и матчи великого «Реал Мадрида», назван так в 1955 году в честь президента клуба и главного архитектора проекта Сантьягу Бернабеу де Йесте. При нем было выиграно шесть Кубков Европы и много внутренних матчей. Сегодня стадион, вмещающий более восьмидесяти тысяч зрителей, один из самых больших и известных в мире. Статус «элитный», присвоенный ФИФА, дает право проводить финалы чемпионатов мира.

Глядя в иллюминатор самолета, вылетавшего из Шереметьево-2, Жуков не мог и предположить, что в скором времени станет работником этого пятизвездочного футбольного стадиона. Прибыв в Мадрид, он в первую очередь встретился со своим другом Алехандро, стильным журналистом одного из глянцевого мадридских журналов, который, как и обещал, направил его к своему знакомому, служащему кад-

рового агентства, а тот и пристроил его на эту работу.

Жукову она нравилась, ведь он соприкоснулся с историей прославленного стадиона. В любую работу Глеб вносил что-нибудь креативное и вместо того, чтобы просто подходить к клиентам и говорить о ценах на сувениры, он, изучив историю каждого, образно комментировал вещицу, что вызывало добрую улыбку. Благодаря его вниманию и приветливости туристы редко уходили без покупки. Порой ему даже удавалось сталкиваться с игроками «Реала» и, пользуясь возможностью, он фотографировался с ними.

По его наблюдениям, подтвержденным охранником кубинцем Ривьеро, защитник Урбано приходил на тренировку к 11 часам и уезжал на спортивном рендж ровере после четырех дня.

Машина знаменитости обычно выезжала с парковки на улицу Rafael Salgado и поворачивала всегда направо, на Calle de Doctor Fleming. Никто кроме игроков не знал, куда он направляется в это время. Хотя, вполне возможно, этой дорогой он ехал домой. Урбано обычно ездил один.

По условному сигналу Виктория должна была ждать его, точнее переходить улицу в тот момент, когда он выезжал с парковки и набирал скорость.

– Для чего ты меня толкаешь на это, не могу понять, – повторяла она, хотя женское любопытство все больше брало верх, и она уже не прочь была встретиться со знаменитостью.

– Ты хоть раз видела эту манекенщицу Бимбу? – в ответ

спрашивал Жуков. — Вы чем-то похожи. Он наверняка захочет познакомиться с тобой, понимаешь?

* * *

Урбано был известным игроком «Реал Мадрида». Полюбив футбол в раннем детстве, поддержанный родителями, возлагавшими на него большие надежды, он не подвел их. Родители были далеки от футбола. Отец держал виноградник в предместье Мадрида, рядом было огромное поле, где Урбано оттачивал свое футбольное мастерство, мама заправляла домашними делами. Она ждала мужа и сына, чтобы накормить вкусным обедом, который практически всегда с удовольствием готовила сама, делая это вовсе не по необходимости, а из чувства долга, привитого ей родителями в детстве. Семья Урбано была зажиточной и могла позволить себе многое, в том числе все необходимое для успешного продвижения в жизни их сына.

Совсем юным Урбано стал воспитанником футбольной школы «Реал Сосьедада», а его первый поединок состоялся в составе профессиональной команды в матче на Кубок Испании. Вскоре он стал ключевым игроком команды и принял участие в 35 матчах, забив в них 5 голов. Прошло несколько лет, его заметили и пригласили играть за сборную Испании в товарищеском матче со сборной Эквадора. Тогда Урбано было всего 22 года. Успешная игра, скорость реакции и исклю-

чительно энергичный напористый стиль, а также прекрасные физические данные создали ему имидж перспективного игрока, а позже восходящей звезды испанского футбола.

Через пару лет судьба и упорный труд предоставили ему сразу два очень заманчивых шанса – играть в английской команде «Ливерпуль» или в мадридском «Реале». Он выбрал «Реал», о чем никогда не жалел. Именно в составе «Реал Мадрида» он становится победителем Лиги Чемпионов, обладателем суперкубка Испании, а потом и Европы. Его дальнейшая футбольная карьера была ясна ему и его многочисленным болельщикам, для многих из которых он стал настоящим кумиром. Популярность Урбано активно поддерживалась многочисленными репортажами в газетах и журналах, телепередачами, выходящими в прайм-тайм и собиравшими большую аудиторию. Его раскрученное и ставшее популярным имя широко использовалось в рекламных целях, а улыбающееся лицо на фотографиях или кадры наиболее острых моментов встреч с его участием стали хорошо известны широкой публике. Его узнавали на улицах, а для папарацци он стал одним из привлекательных объектов.

Не менее бурной была и его личная жизнь. В свое время, когда он только начал играть в составе «Реал Мадрида», судьба, казалось, благословила его заключить брак с начинающей свою карьеру в кино актрисой Абигейл Барраса. Но по стечению обстоятельств, связанных со съемками за океаном, от которых она не смогла отказаться, Абигейл опрометчиво

решила отложить свадьбу. Поразмыслив, Урбано решил, что это знак свыше. С ней было хорошо в постели, больше никакой особой радости она не приносила. Прагматичный парень сказал себе, что для хорошего секса найдется немало других девушек, ярким хороводом порхающих вокруг популярного, красивого и состоятельного мужчины.

Урбано понимал, что для брака и создания семьи нужна женщина, которая, кроме сексуальной привлекательности, должна обладать и другими качествами. Кстати сказать, съемки Абигейл за океаном не были особо успешными, и ей пришлось даже вести борьбу с многочисленными претендентками за маленькие роли. А, может быть, ее время еще не пришло...

Потом в жизни Урбано начался период встреч-однодневок с многочисленными, никому не известными поклонницами, для которых он был кумиром и секс символом, и с известными светскими львицами. Эти неожиданные и мимолетные встречи отличались обычно бурным и быстрым сексом, приносящим лишь временную разрядку его гиперсексуальности, так льстившей и высоко ценимой его партнерами. Каждая из них наивно полагала, что именно она вызвала в нем такой неистовый взрыв страсти. Как они заблуждались! Сразу после расставания, он напрочь забывал о них, и возможно не сразу бы ответил на вопрос, встречался ли он уже с этой девушкой, если бы кто-то его об этом спросил.

Так продолжалось довольно долго, пока он не встретил су-

пермодель Бимбу Зулоагу. Это была неординарная девушка! Порой он и сам не понимал, было ли это временное влечение или настоящая страсть, смешанная с нежностью, рожденная в глубине сердца и вырывающаяся наружу с дыханием нескончаемой любви. Бимба тоже любила его, но своеобразно. Она, конечно, ценила его не только за то, что он был известным футболистом, но прежде всего за личные качества. Но у нее было свое миропонимание, и вела себя она достаточно независимо, из-за чего часто возникали ссоры.

Если человек любит по-настоящему, считал Урбано, он должен принадлежать другому полностью и безоговорочно. Это тяготило Бимбу, она еще была не готова посвятить свою жизнь мужчине. Будучи успешной и востребованной топ-моделью, она подписывала контракт за контрактом и едва успевала перелететь из одной страны в другую для участия в очередной неделе моды. Вчера она показывала нижнее белье в Париже, завтра ее ждали в Москве, через два дня – в Нью-Йорке, а уже через неделю она прохаживалась по подиуму в Сиднее, вызывая восхищение зрителей красотой и профессионализмом. Кроме того, у нее была и иная, важная перспектива, связанная с ее будущей карьерой юриста. Во время редких приездов в Мадрид она пропадала в университете, наверстывая упущенное во время бесконечных турне.

Из-за такого бешеного ритма Урбано не видел ее неделями, что заставляло его сильно нервничать. К счастью, он умел держать себя в руках, и это не сказывалось на его ка-

рьере. Вместе с тем, он все чаще задумывался над тем, что две звезды в одной семье – многовато. Вокруг немало красивых и умных женщин, и ему еще предстоит найти ту единственную, которая будет готова посвятить ему свою жизнь полностью. А уж он постарается создать для их счастья все необходимые условия.

* * *

В четверть пятого рядом со стадионом Бернабеу, на пересечении улицы доктора Флеминга и Рафаэля Сальгадо, в легком летнем платье, в туфлях на невысоком каблуке появилась девушка. Она будто ждала кого-то, время от времени поглядывая на часы и на дисплей мобильного. Казалось, она собралась на вечеринку и за ней вот-вот должны подъехать друзья. Ее большие темные очки скрывали почти половину лица, однако, присмотревшись, было ясно, что она с нетерпением ждет чего-то. Она нервно теребила бежевый клатч, явно досадуя на медленно тянущееся время. К счастью, прохожих почти не было, а то могло бы показаться странным, что она ждет кого-то именно здесь, на выходе из стадиона.

Жуков обладал способностью влиять на людей и побуждать их к действиям, чаще всего странным и трудно объяснимым. Виктория не понимала, как она согласилась пойти на эту авантюру. Она даже представляла, что бы сказала, если бы кто-то из подруг спросил, зачем она это делает. Но

идея казалась необычной и увлекательной, это было словно в кино, и Виктория чувствовала себя актрисой, которая снимается в главной роли. Кроме того, успокаивала она себя, в Мадриде-то, по сути, никто ее не знает. Так почему бы и не попробовать сыграть хоть раз в жизни? Это ведь как раскрыть кого-нибудь в клубе или из коллег на ужин в ресторане. Как и договаривались, через некоторое время позвонил Жуков:

– Едет! – прозвучало кодовое слово. Жуков работал сегодня, и ему легко было проследить за Урбано. И в тот момент, когда футболист выезжал с парковки, он позвонил Виктории.

– Даже не знаю, как я буду выглядеть со стороны, но надеюсь, все будет правдоподобно.

– Все получится, ты же молодец, только не ушибись, пожалуйста! Если ты это сделаешь, будешь самой великой актрисой!

– Грета Гарбо? – спросила Виктория, глядя в сторону стадиона, откуда выехала машина футболиста. Она уже знала наизусть и цвет, и номер машины. Они намеренно растягивали беседу, чтобы создать видимость, что она увлечена разговором.

– Вылитая Грета Гарбо! – воскликнул Глеб. Если ты это сделаешь, я напишу о тебе книгу, где расскажу обо всех твоих приключениях. Все будут читать твою историю успеха, и равняться на тебя! Понимаешь?

– Боже, я стану селебрити⁴! – Виктория как будто искренне обрадовалась.

– Конечно, к тому же самой богатой и влиятельной женщиной!

– Знаешь, что-то страшно! Может не стоит? – внезапно заявила Виктория, увидев, что рендж Урбано приближается к перекрестку. Жуков почувствовал неладное и почти прокричал в трубку:

– Ты что, струсила?

– Да, нет, но как то не по себе, – пробормотала она, следя за машиной.

– Да ты трусиха, полнейшая трусиха! Что, страшно стало? Да уж, поторопился я с книгой, никакая ты не Грета Гарбо, ты просто трусливая Виктория, завтра же поменяй билет и лети назад!

Виктория моментально вскипела, от возмущения у нее перехватило дыхание. Этот Жуков – начальник кукольного театра! Деспотичный хозяин! Мало того, что уговорил ее на это сомнительное дело, еще и обзывается!

– А ты на себя посмотри! Я-то всего лишь не хочу участвовать в этом надувательстве, а ты вообще сбежал из Москвы! Даже не сообщил! Кто из нас трус после этого? Разве не ты? – Виктория увидела, что машина вот-вот подъедет и свернет направо, она почувствовала, что внутри у нее все смешалось – гнев на Жукова, страх провала...

⁴ Знаменитость (англ.).

Вдруг, повинувшись какому-то взрывному чувству, которое охватывает нас в самый критический момент, она ступила на бордюр, продолжая держать трубку, слушая Жукова и делая вид, что смотрит в другую сторону.

– У меня абсолютно другая ситуация! Я пытался заработать бабло! Причем по-крупному! По-крупному и попал! У тебя совсем другая ситуация, тебе лишь надо...

– Черт! – услышал он в трубку и почувствовал, как на другом конце линии послышались удары. Это мобильник вылетел из рук Виктории, которая, собираясь перейти дорогу, якобы, не заметила машину. Удар был не сильный, Урбано Манрикес сумел вовремя притормозить. Виктория, выкрикнув кодовое слово: «Черт!», выронила телефон, сумку и театрально, но вполне естественно упала на землю. Жуков сильнее прижал телефон к уху, мобильник продолжал работать, и он слышал, как Урбано что-то кричал по-испански, используя в основном нецензурную лексику.

Глеб забеспокоился. Он понимал, что Виктория выполнила задание с честью, но что с ней? Если она что-то ломает, это будет ужасно – вся эта кутерьма не стоит даже одного ее сломанного ухоженного ногтя.

Впрочем, она могла бы вывихнуть палец или руку! – подумал он, но сразу пристыдил себя, хотя тут же нашел оправдание – для Урбано это будет более чем убедительно.

Конечно, Жуков не был настолько рассудочен, чтобы толкнуть девушку, к которой питал особые чувства, на та-

кое омерзительное, казалось бы, мероприятие только в своих интересах. Он понимал, что, таким образом, может быть, изменит ее судьбу, пусть даже ей придется для этого сломать палец.

Впрочем, дело уже сделано, ему оставалось только перезвонить спустя какое-то время, чтобы узнать, как обстоят дела. Если трубку возьмет Урбано, он представится братом девушки, ну и, конечно же, ненадолго приедет в больницу.

Однако страх за здоровье ставшего уже близким человека заставил его перезвонить сразу же. Ответа не последовало. У Глеба вспотели ладони, он снова и снова набирал номер Виктории, но телефон не отвечал.

Урбано, конечно, понимал, что попал в глупую историю. Но, несмотря на свою звездность, всегда готов был прийти на помощь, и уж тем более человеку, которому причинил вред. Именно на это и рассчитывал Жуков. Как и подобает настоящему мужчине, футболист не паниковал. Он пощупал пульс девушки, которая, в общем-то, дышала вполне нормально, и никак не мог решить вызывать медиков или самому отвезти ее в больницу. Откуда ему было знать, о чем думает эта красавица, притворявшаяся, будто лежит без сознания.

На самом деле она волновалась, не сильно ли подвернула правую ногу, которая и вправду болела, но еще больше страдала от едва сдерживаемого смеха, который мог все испортить. Полузащитник «Реала» понимал, что от такого удара она вряд ли могла повредить позвоночник, и был почти уве-

рен, что, скорее всего, она просто в шоке. Наконец, решившись, он взял ее на руки и заботливо уложил на заднее сиденье машины. Виктория испугалась, что он оставит ее клатч и сделала вид, что очнулась.

Она открыла глаза и зло посмотрела на него. Вместо того чтобы обрадоваться, что их план удался, она почему-то разозлилась на него только за то, что он мог оставить ее клатч, и стала осыпать футболиста ругательствами по-испански за то, что произошло.

Урбано недоуменно посмотрел на девушку, хотя понимал, что это абсолютно нормальное поведение после испытанного шока. Он продолжал смотреть на нее и думать о чем-то своем. Это еще больше разозлило Викторию и, позабыв об инсценировке, она бросила на испанском: – Возьми мою сумку, болван!

Урбано усмехнулся и подчинился. То ли на него подействовала ее красота, то ли была еще какая-то причина, но он поднял с земли клатч вместе с телефоном и бросил рядом с Викторией. Это заставило ее насторожиться.

Догадался, подлец! – промелькнуло у нее в голове, и она застонала, чтобы показать, как ей больно и что, возможно, она сломала ногу.

Урбано хлопнул дверью, сел за руль, оглянулся и как-то так нагло встал спросил:

– Ты хоть знаешь, под чью машину попала, куколка?

Поскольку Жуков строго-настрого предупредил ее, чтобы

она ни за что не показывала, что знает его, она ответила надменно:

– Плевать я хотела на тебя, вези меня в больницу! – Урбано оторопело посмотрел на нее и, пожав плечами, завел мотор, бормоча себе под нос: «Кажется, эти иностранные дуры не интересуются футболом». По крайней мере, Виктория поняла его так. Тут снова зазвенел телефон, и Виктория, охая, взяла трубку. Звонил, естественно, Жуков, который, услышав ее голос, ощутил молниеносное облегчение, сравнимое разве что с тем, которое он испытал во время вылета из Москвы в Мадрид.

Виктория, услышав его вопрос в порядке ли она, сказала: – Я жива и невредима, кажется, но ты мне ответишь за все! – увидев в зеркале взгляд Урбано, она поспешно застонала: Я стараюсь для объекта, чтобы все выглядело правдоподобно, черт возьми, он почти поверил и везет в больницу, так что все по плану! Жуков долго молчал, потом она услышала его восторженный голос:

– Ты молодец!
– Грета Гарбо? – иронично спросила она.
– Нет. Ты просто Одри Хепберн! – Жуков был вне себя от счастья.

– Мне кажется Гарбо все же талантливей, – между делом возразила Виктория.

– Пусть так! – запальчиво продолжал нахваливать ее Жуков.

Виктория усмехнулась устало и, вспомнив свою роль, снова жалобно застонала, якобы от боли. – Отвали! – закончила она разговор.

– Мой брат! – пояснила она Урбано, глядя в зеркало. – Я ему рассказала, что какой-то болван сбил меня и везет в больницу. Брат в ярости! – почему-то ей легко говорилось на испанском. Урбано усмехнулся. Наверно, он думал, как тот будет удивлен, узнав, кто был за рулем.

– Rusa⁵? – спросил он.

– Руса, руса! Кем же мне еще быть! – проворчала Виктория, хватаясь за левую ногу, но потом, вспомнив, что вначале хваталась за правую, быстро переложила руку.

В больнице ей сделали рентген, и, убедившись, что это обычный ушиб, положили по просьбе Урбано в специальную палату для иностранцев. О своей страховке Виктория ничего не сказала, да врачи ее об этом и не спрашивали. Видимо, Урбано обо всем договорился. Однако у Виктории время от времени кружилась голова и правая нога на самом деле побаливала. Она и сама не понимала откуда появилась эта боль – то ли она вначале ее не почувствовала, то ли на самом деле заставила себя поверить. Как бы там ни было, нога болела.

Он зашел к ней и сел в кресло, стоявшее рядом с кроватью.

– Извини, что так вышло, – сердечно произнес он. Виктории показалось, что сказано это искренне, по крайней мере,

⁵ Русская? (исп.)

медленно, не съедая окончания, как обычно делают испанцы, быстро выговаривая слова. Взгляд Урбано скользнул по ней, и ей стало неловко и одновременно смешно.

– Ок, не бери в голову, – повеселела она и, вспомнив Жукова, быстро спрятала улыбку за серьезным взглядом: – В общем, мы оба отделались легко, ты не убил меня, и это главное. Сколько мне тут лежать? – строго спросила она.

– Пока боль не пройдет, – ответил он. – Может, пару дней. Но ты, пожалуйста, не торопись. А сейчас мне пора, я позже еще загляну, – сказал Урбано. – Здесь тебе дадут все, что ты попросишь.

Виктория прикусила губу, узнав, что он так скоро уходит. Но Жуков не был бы Жуковым, если бы запыхавшийся, с горящими щеками не ворвался в палату именно в этот момент. То ли ему пришлось сделать специальный кросс вокруг больницы, прежде чем зайти или он бежал от стадиона, но вид у него был такой, будто он бросил все дела и приехал с другого конца города, как только узнал, что случилось с «сестрой».

– Ты в порядке? – обратился он к Виктории, и резко повернулся к футболисту:

– Это вы столкнулись с ней?

– Да, я, – кивнул тот, глядя, как Жуков обнимал сестру, показывая, как горячо любит ее.

– Мой брат, – пояснила Виктория Урбано. – Познакомьтесь.

– Урбано, – подал руку футболист.

– Глеб, – Глеб нехотя протянул свою.

– Он собирается уйти, – поспешно сказала Виктория.

– Вы извините, мне пора, – произнес Урбано. – Если что понадобится, вы можете обращаться к администрации. Я позже позвоню или забегу.

– Вы уверены, что моя сестра получит соответствующее лечение? Или мне позвонить адвокату? – спросил Глеб, на что Урбано снисходительно улыбнувшись, вынул визитку своего футбольного клуба и на задней стороне написал номер телефона.

– Вот мой телефон, я думаю, если возникнут сложности, а их, я уверен, не будет, можете позвонить, – сказал Урбано и подал визитку.

Глеб, глядя на визитку, изобразил на лице удивление и громко произнес:

– Черт возьми, «Реал Мадрид»?

– Да, – улыбнулся Урбано и подумал, – Наконец-то эти иностранцы поймут, с кем имеют дело.

Однако ни вечером, ни утром он не пришел, но в день выписки в палату занесли большую корзину цветов с запиской от футболиста, в которой он еще раз извинялся за случившееся и выражал надежду на скорое выздоровление.

Глава 8. Девой или замужней?

Родители Виктории познакомились еще студентами, приметив друг друга на танцах, которые были тогда одним из главных развлечений молодежи. Это были времена, когда Солженицына выслали из СССР после выхода на западе его книги «Архипелаг ГУЛАГ». На дворе стоял «развитой социализм» – комплексный обед в студенческой столовой стоил 70 копеек, а кружка (или пол литровая банка) пива 20 копеек. Все учились, работали, чувствовали себя социально защищенными за железным занавесом, отгородившим по решению коммунистической партии огромную страну и ее граждан от «тлетворного влияния запада».

Еще в студенческие годы родители начали подрабатывать. Мама – репетитором, готовя абитуриентов к экзаменам. Отец нашел несложную, но интересную работу лаборанта на полставки в одном из многочисленных тогда научно-исследовательских институтов.

Их отношения развивались стремительно во взаимной любви и уважении. Вскоре состоялась веселая студенческая свадьба. Все друзья и знакомые с удовольствием отмечали, что глаза новобрачных светятся счастьем. Было ясно, что каждый нашел единственного и самого дорогого человека. Глядя на них можно было бы с полным основанием сказать – этот брак совершен на небесах, если бы не всеобщий атеизм

того времени.

После окончания института отец служил военным врачом в ВВС на Украине. Мама посвятила себя преподаванию экономики и финансов в [университете](#). Их жизнь текла спокойно, с уверенностью в будущем. Если бы сегодня кто-нибудь решил спросить об их чувствах, предсказать ответ можно было с полной уверенностью – они счастливы.

Когда они отметили жемчужную свадьбу, тридцатилетие своего союза, никогда ранее не думавшая об отношениях родителей, Виктория вдруг осознала их масштабность. Впервые ей пришла мысль о совершенстве этого брака. И ответ на вопрос, в чем секрет их счастья, был прост – во взаимопонимании.

Но разве одним словом можно рассказать о непростом постоянном душевном труде, ежедневном, никогда не ослабевающем желании полностью посвятить себя друг другу, рука об руку преодолевать все трудности и вместе исполнять взятые на себя обязательства?

Несмотря на внешнее благополучие, им не раз приходилось преодолевать сложности, так свойственные времени и обстоятельствам. Они научились совместно разрешать кризисные ситуации, в которых успешно смогли избежать даже намек, даже подспудной мысли о возможности разрыва отношений. Наоборот, трудности еще больше сближали их. Ни разу не пришлось им усомниться в своем выборе, а крамольная мысль, что любовь ушла, не приходила в голову.

Это был практически идеальный брак. Безусловно, иногда они ссорились, но после коротких размолвок следовало примирение. И это еще больше укрепляло их в мысли, что они созданы друг для друга.

Семья много путешествовала. Они объездили почти все самые интересные уголки Украины, побывали во многих местах огромной и такой разной страны – СССР, бесславно исчезнувшей вскоре с исторической карты.

Им нравилось проводить время друг с другом. Соседи и близкие до сих пор удивляются, видя, что они ходят, держась за руки. Возможно, все дело в прикосновении, постоянном желании чувствовать рядом тепло родного человека? Виктория не раз замечала, как трогательно родители дотрагиваются друг до друга. Порой ей казалось, что у них существует свой собственный и понятный только им язык жестов и взглядов, потому что они понимали друг друга без слов. Прикосновением руки мама могла успокоить отца, если он был расстроен. Он обнимал маму за плечи, когда она начинала нервничать из-за дочери.

Однажды мама заболела и почти на месяц попала в больницу. Виктория была совсем маленькой, но хорошо запомнила те дни. Отца практически не было дома, и за Викторией присматривала старшая сестра. В один из дней соседка повезла их в больницу навестить маму. В палате Виктория увидела отца – он держал мамину руку и крепко спал, сидя на неудобном стуле, а мама, полулежа в кровати и откинув-

шись на подушки, боялась шевельнуться, чтобы не разбудить уставшего мужа. Возможно, секрет был в том, что они научились понимать друг друга через прикосновение?

– Наверное, существует особая связь между сердцами любящих друг друга людей, – подумала Виктория.

Оторвавшись от воспоминаний, она почему-то решила, что Урбано не станет ее искать, ведь прошло уже четыре дня. Ей казалось, что она сумела очаровать его, когда они общались в больнице, но пообещав вернуться, он почему-то отправил корзину цветов с запиской, что не сможет навестить ее.

Виктория надеялась, что он придет на следующий день, но он не появился и в день выписки. У нее был его номер мобильного, но она по непонятной причине боялась набрать его, да и Жуков молчал, не зная как поступить. Виктория в очередной раз проверяла телефон, но ни пропущенных звонков, ни смс не было. Не успела она положить мобильник, как он зазвонил. Она услышала голос Агнии.

– Ты решила остаться на ПМЖ? – резко спросила она.

Виктория сдержанно засмеялась: – Почти удалось.

– Ну, смотри, хоть сообщай о своих намерениях, чтобы я была в курсе. Знаешь, что Инка рассказывает? – Агния как-то злорадно захихикала в трубку.

– Какая Инка?

– Ну, кухня моя. Помнишь?

– Да, припоминаю, и что? – Виктория приготовилась вы-

слушать очередную историю.

– Как-то ее парень вдруг заговорил о свадьбе своего брата, которая планировалась через две недели и спрашивает, готова ли она к ней. А Инка сразу лезет к нему целоваться – подумала, что он предлагает ей замуж. Тот в недоумении, не понимает, что происходит. В итоге, он объяснил ей, что говорил о свадьбе брата. Ну не дура ли?

Виктория громко расхохоталась в ответ:

– Видно, ей не терпится услышать от него предложение?

– Если судить по ее реакции – получается так, – с сожалением ответила Агния.

– Молодец Инка, хорошие планы, – не без иронии прокомментировала Виктория.

– Да ну, брось, что хорошего?

– Как что? – растерянно спросила Виктория. – Каждая нормальная девушка мечтает выйти замуж, завести детей и иметь дружную семью. А он, наверно, любит ее? Или не так?

– Да в принципе все так, – ответила без энтузиазма Агния. – Ухаживания, нежные слова, типа «моя милая, нежная и самая красивая!» Все вначале так говорят. А потом жена постепенно становится уборщицей и кухаркой.

– Какой ужас! Но ты, надеюсь, не говоришь ей об этом?

– Еще как говорю. Моя сестренка должна быть готова ко всему, – голос Агнии звучал уверенно, будто она была первооткрывательницей секретов семейного быта, съедающего любовь, а потому желающая избавить всех женщин мира от

перспектив замужества, в котором она, к слову сказать, не состояла.

– Подожди, а как же любовь? – Виктория хоть и была с недавних пор в некотором роде авантюристкой, все же не утратила веру в это великое чувство.

– Ну, а как же быт? – в ответ спросила Агния, будто бы кроме быта в семейной жизни не могло быть ничего интересного.

– Знаешь что, дорогая моя, – недовольно произнесла Виктория. – Ты кроме слова быт, знаешь еще какие-нибудь слова из семейной жизни?

– Ну, например?

– Хорошо, не стану раздражать тебя наивным словом любовь, ну, а как же дети?

– Дети? А разве дети не быт?

– Я согласна, – Виктория сдалась. – Хорошо, быт имеет место в нашей жизни, так или иначе женщине придется однажды встать у плиты в бигуди и домашнем халате, чтобы приготовить ужин, а позже пройти с пылесосом по дому. Наступает момент, когда она переступает порог квартиры мужа...

– Хорошо, если *ЕГО* квартиры! – вставила Агния.

– Не перебивай! Она начинает жить с мужем и становится отчасти домработницей. Я говорю о случаях, где нет горничных. Но согласись, все зависит от взаимоотношений мужчины и женщины и степени уважения друг к другу. И главное

– от воспитания мужчины. Если его воспитали так, что он нежные слова постепенно заменяет на «иди-ка, приготовь поесть», значит, за такого не стоило выходить замуж!

– Дорогая моя, – тон Агнии стал снисходительным. Откуда девушке знать, скажет он так или нет, у них что, у мужиков на лбу написано? Нам не у кого спросить сертификат качества. Его мы сами напишем через пару лет, – Агния говорила так, словно лет пять прожила не с тем мужчиной, а, может, и не с одним.

– Но разве только мужчина виноват в том, что женщина становится домохозяйкой? Женщина чаще всего сама идет на такую жертву, ей хочется больше времени проводить с детьми, она стремится обеспечить домашний уют. Ведь она все-таки мать и хранительница очага! Хотя, конечно, со временем ей грозит потеря карьерных амбиций!..

– Я тебя умоляю! – Агния с презрительным вздохом оставила ее. – Если уж собралась замуж, то выходи! И не надо меня убеждать в обратном!

– А если ты не хочешь замуж, то не стоит других переубеждать!

– Кого я переубеждаю?

– Инку! Судя по всему, она очень хочет, чтобы это случилось, а ты своим пренебрежительно-пессимистичным тоном готова погубить ее будущее! – Виктория начала выходить из себя.

– Кто это губит будущее? Если уж кто-то и губит наши

судьбы, то мы сами! – в голосе Агнии все больше чувствовалась обида, и Виктории стало стыдно, что позволила себе такой резкий тон:

– Вспомни Гудини! Своего пса в Воскресенском. Разве он поступил плохо, пустив Чапу к себе в будку, да еще и неизвестно с чьим щенком! Разве мы, люди, не можем просто создавать семьи и жить счастливой жизнью!?

– А разве это не напоминает людей, которые способны извлечь выгоду из любой ситуации? Разве эта Чапа не съела своих щенят и не воспользовалась простодушием Гудини?!

– Я тебя умоляю! – теперь голос Виктории принял пренебрежительный тон. – Прекрати видеть во всем низменное!

– У меня вторая линия! Позже созвонимся, – Агния внезапно отсоединилась, и Виктории стало досадно, что разговор неожиданно прервался. Недосказанность заставила ее набрать номер Жукова.

– Вот скажи Глеб! – выдохнула она, как только он ответил на звонок. – Стоит ли бояться женщине замужества из-за быта?

Глеб, видимо, был занят, возможно, делал сверку дневных продаж, поэтому голос его звучал отрешенно:

– На долю женщины, конечно, выпало немало: она и еду готовит, и ребенка вынашивает и вскармливает его. Мужчины же, по сути, наблюдает за всем этим. Согласен, тяжело. Но что нужно сделать, чтобы облегчить жизнь женщине? Пусть на этот вопрос она ответит сама. Но вот беда, согласится ли

мужчина с ее правилами? Отсюда борьба полов – с одной стороны, аргументы женщины, с другой – уязвленное самолюбие мужчины!

– Я так и думала, что ты скажешь что-нибудь эдакое, – Виктория как будто успокоилась, потому что Глеб, по сути, был солидарен с ней.

– Откуда у тебя такие мысли? – решил поинтересоваться Глеб.

– Звонила Агния из Москвы и заявила, что у многих мужчин есть предрассудки. Что, мол, жена должна быть домохозяйкой, держать дом в чистоте, вдобавок работать, а муж должен лежать на спине и сетовать на жизнь, и на то, что его никто не ценит! Эту причину она называет самой главной, чтобы не выходить замуж и хочет убедить свою кузину последовать ее примеру, – Виктория снова забеспокоилась за чужую жизнь.

– Скажи, а твоя Агния была замужем? – спросил Глеб.

– Нет, никогда и не хочет по указанной выше причине!

– Знаешь, может у нее какие-то проблемы с этим. Посоветуй ей жить своей жизнью и не обращать внимания на окружающих, в конце концов, она может просто с кем-то встретиться и не выходить замуж...

– Я согласна с тобой, но ведь она этого не понимает, ей же хочется, чтобы все следовали ее советам!

– Надеюсь, ты не последуешь, потому что тебе уж точно нужно замуж, и я точно знаю за кого! – подытожил разговор

Глеб.

– Да-а? – наигранно протянула Виктория. – И скажи, за кого же? Впрочем, я уже знаю за кого. За неудавшегося авантюриста, который временно проживает в Мадриде, поет джаз и работает в сувенирном магазине!?

– Вообще-то за Урбано, – Глеб, казалось, не понял ее шуточки.

– Урбано... – повторила Виктория. – Но он же не звонит?

– Попробуй позвонить сама.

Глава 9. Viva la victoria!⁶

Виктория заплатила и вышла из такси. В этом районе Мадрида было тихо. Иногда доносился лишь слабый гул под-земки и эхо от автомобилей, проезжавших по центральной улице. Кругом прогуливались пары, молодые люди или по-жилые дамы с кавалерами пенсионного возраста. Виктория немного завидовала им. На лицах мадридцев старшего поко-ления, особенно семейных пар, было написано спокойствие и наслаждение своим возрастом. Пришло время, когда они могли заниматься чем угодно и полностью посвящать себя друг другу, гулять по вечерам или сидеть за столиками улич-ных кафе и пропускать по бокальчику вино тинто после ужи-на. Например, как эта семейная пара – элегантная бабушка в шляпке и перчатках, с сумочкой в руках, державшая под ру-ку пожилого господина, который рассказывал ей что-то увле-кательное, забывая смотреть под ноги. Виктория поглядела им вслед и вспомнила российских пенсионеров, вечно спе-шащих куда-то по делам с нелепыми авоськами.

Она остановилась перед уличными музыкантами. Трое мужчин среднего возраста, похожие на латиноамериканцев. Один играл на барабане, другой на духовом инструменте, а тот, что стоял посередине с гитарой, солировал. Судя по рит-му, это была разновидность сальсы, и, поскольку Виктория

⁶ Да здравствует победа! (исп.).

обожала эту музыку, она решила послушать немного. Голосистый был кубинцем, Виктория поняла это по акценту. Она с трудом понимала, о чем он поет, но ей показалось, что в песне говорится о жизни простого жителя этого острова, где люди будто бы наслаждаются свободой, которую дарует им государство. Однако он не может воспользоваться этой свободой полностью, потому что не знает как. Он смотрит на старинные колониальные постройки на улицах Гаваны, по которым до сих пор, наверное, ездит гуагуа – автобус, переделанный из грузовой автомашины, в котором теснятся люди, живущие на грани нищеты, но не потерявшие оптимизма и любви к жизни. Вот о чем пел голосистый кубинец.

Виктории захотелось все бросить и забыть про забег, который не имеет финиша. Кажется, конец пути ясен – достижение богатства и счастья, но кто сказал, что человек всегда будет довольствоваться тем, чего достиг. Тут же появляются новые мечты и новые желания, которые должны исполняться быстро, иначе существование теряет смысл.

Виктории захотелось тоже спеть и станцевать пляску оптимизма. Так она назвала этот танец. Пляска оптимизма, которая говорит, что человеку чужды мирские хлопоты. Важно только солнце, море и веселое настроение, то, что ты есть и что наступит завтра. Она вспомнила видеофильмы о Кубе, которые смотрела на уроках испанского в университете. В ее памяти запечатлелись картинки с задворками Гаваны, где дети бегают босиком, мужчины занимаются боксом, а жен-

щины, вечные труженицы, готовят или развешивают белье.

Вот проехал, моргнув фарами, старый американский форд. Его подслеповатые фары напоминали глаза большой старой куклы. Он прогудел уставшим клаксоном, что сделало его еще больше похожим на куклу с медленно открывающимися и закрывающимися глазами, которая будто с трудом, но требовательно произносила «мама!». Расчувствовавшись и вспомнив детство, Виктория чуть не всхлипнула и нехотя пошла дальше.

Урбано уже сидел за столиком и нетерпеливо поглядывал на часы. Виктория зашла в уютный ресторан «Le Baron» и, пользуясь тем, что он не видит ее, решила внимательно разглядеть футболиста. Испанец, хоть и не был идеальным красавцем, но глаза его – грустные и задумчивые – поражали. А безупречная спортивная фигура, не говоря уже о многомиллионном состоянии, не оставляли равнодушной ни одну девушку.

Казалось бы, совсем недавно Виктория смотрела матчи «Реала» в своей московской квартире, рассматривала привлекательного главного защитника Урбано Манрикеса и даже не мечтала о знакомстве с ним. А теперь они будут вместе ужинать. «Черт возьми, Жуков!» – снова возмутилась она. Но тут же изменила выражение лица, потому что Урбано заметил ее и встал из-за стола.

Виктория с натянутой улыбкой подошла, хотя могла бы и приветливо улыбнуться на радостях. Но она ни на секунду

не забывала про Грету Гарбо, и ясно представила, как бы та сыграла этот трогательный момент.

– Я, конечно, не настаивала на встрече, мне лишь хотелось поблагодарить за внимание, проявленное вами, и беспокойство о моем здоровье! Но я отлично понимаю вас, было бы странно, если бы вы меня сбили и оставили на дороге!

Урбано улыбнулся, весьма удивившись ее знанию испанского. Не мог же он догадаться, что эти длинные фразы, написанные Глебом, Виктория просто выучила.

– Мои сожаления! – он почти стеснительно посмотрел на нее и пригласил сесть. Она царственно опустилась на стул, услужливо подвинутый официантом.

– Сеньорита сразу закажет или мне вернуться через некоторое время? – Виктория хоть и поняла его, но злилась от того, что они всегда спешат, быстро произносят слова и, казалось бы, намеренно строят предложения так, чтобы иностранцы их плохо понимали.

– Думаю, что мне понадобится время на раздумье, тем более я не знаток испанской кухни! – почти язвительно произнесла она, но тут же пожалела, вспомнив, что ресторан французский. Официант пожал плечами и отошел.

– Мне здесь нравится. Очень нежная и вкусная рыба, особенно в сливочном соусе и с белым вином, – заметил Урбано.

– Да, я слышала, что здесь лучшие повара и самая изысканная кухня в этом районе, – тут же согласилась Виктория, – и вновь вернулась к прерванному разговору. – Вы

должны меня понять. Я не узнала вас, кроме того, я не особенно увлекаюсь футболом! – сказала она, а про себя подумала: «Еще как увлекаюсь, особенно защитником «Реал Мадрида»!

– Я понимаю, такие девушки должны, наверно, увлекаться вещами более эстетичными. Что будем пить? Вино? – его слова прозвучали несколько саркастично, по крайней мере, так показалось Виктории.

– Да, не откажусь от бокала мерло, – Виктория рассматривала Урбано при свете французских светильников, которые создавали причудливый эффект на стенах и потолке. – Кстати, футбол можно назвать эстетичным видом спорта, – прокомментировала она.

Урбано продолжал смотреть в меню: – Ну как сказать, этот спорт больше для мужчин?

«Можно сказать, это самый эстетичный вид спорта, поскольку им занимаются сильные мужчины, да еще он и самый доходный!» – хотела добавить Виктория, но промолчала. Этот день был, пожалуй, одним из самых важных в ее жизни – randevu с идиолом миллионов подростков, грезящих о карьере профессионального футболиста, тайной мечтой большинства молодых женщин Европы.

Ей даже не верилось, что все это происходит именно с ней, а не с кем-нибудь другим. Но почему бы не взглянуть на это как на некое волшебство, которое случается с любым жителем планеты, если он на самом деле хочет исполнения сво-

ей мечты. В таком случае мечта Виктории вполне заурядна. Что необычного в том, что девушка мечтает о встрече с ку-миром? Этот сюжет не меняется на протяжении веков. Простолюдинка мечтала о встрече с принцем, крепостная крестьянка – с барином, колхозница – с сыном министра, манекенщица – с мультимиллионером. И встречи эти иногда случались. Но мечтала ли об этом Виктория? Или это всего лишь блажь? Доказательство себе и миру, что она может вскружить голову мировой знаменитости? Или, несмотря на банальность истории, можно взглянуть на это как на обыкновенное чудо?

По крайней мере, Виктории казалось, что встреча с Урбано, так хитро подстроенная Жуковым и так умело выполненная ею, и есть то самое чудо, которое когда-либо в ее жизни должно было совершиться.

Тихая ночь мегаполиса окутала кварталы, и уличный свет вместе с движущимися огнями авто превращал randevu за столиком уютного ресторана в особое событие, во всяком случае так хотелось думать Виктории. В какой-то момент даже мелькнула мысль, что Глеб Жуков вошел в ее жизнь именно для того, чтобы свести с Урбано.

Музыка, льющаяся из глубины ресторана, напоминала французский шансон, звучал тихий, приятный голос певицы и совсем близко – мелодичный баритон Урбано и негромкий говор сидящих вокруг людей. Официанты ступали бесшумно, как будто выполняя ответственную миссию, – молние-

носно и аккуратно обслужить немногочисленных клиентов известного ресторана.

Виктория внимательно слушала Урбано, но быстрая испанская речь не давала возможности понимать все, что он говорил, иногда приходилось додумывать мысль самой. Однако это нисколько не мешало ей, напротив, даже забавляло, и потому порой она еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Когда же она представляла естественную реакцию своего собеседника на ее беспричинный смех, ей становилось еще смешнее. И это было мучительнее, чем непонимание некоторых фраз футболиста.

Время от времени они чокались и Виктория, любительница хорошего мерло, выпивала добрую половину содержимого, забывая о наставлениях Жукова, что надо напоить Урбано. Но ей так хотелось забыть обо всем и просто наслаждаться обществом звездного собеседника, что она старалась забыть его слова. К тому же иногда футболист ее раздражал.

Он был чудаковатым парнем, так показалось Виктории. Особенно ее разозлил момент, когда он, вспоминая их столкновение, сказал, что ему почудилось, будто Виктория была пьяна. Хотя, конечно же, выглядела она как приличная девушка, красивая, очень ухоженная, дорого и элегантно одетая. Но первой мыслью было, что она в нетрезвом состоянии. Иначе как могла она выскочить на дорогу далеко от пешеходной зебры и не увидеть единственную машину на дороге?

Виктория, конечно же, рассмеялась в ответ, встряхивая

волосами. С артистизмом, отработанным с Жуковым, ей удалось убедить собеседника, что он насмешил ее своими забавными предположениями. Однако в душе ей хотелось придушить его.

Урбано переключился на разговор о Москве, где он был года три назад. Разумеется, до этого он был знаком с российской столицей только по телевизору, и, увидев в реальности, был весьма впечатлен. Виктория рассказала, что город растет и богатеет, и предоставляет немало возможностей жителям и гостям, но за все нужно платить, а в Москве как считают многие, все необоснованно дорого.

Качество товаров и услуг в Москве не соответствует их стоимости, – заметил Урбано. Его удивили высокие цены на проживание в гостиницах, на автомобили и дешевое, но качественное пиво, хотя в силу своей профессии, он, конечно же, не любитель алкогольных напитков.

Виктории не хотелось думать о том, как дальше будут складываться их отношения, точнее, она не пыталась загадывать, боясь поспешить с выводами и потом разочароваться. Они вышли из ресторана, не обратив внимания на худощавого парня высокого роста. Он казался обычным прохожим, который задержался у входа, чтобы поговорить по мобильнику. Когда парочка садилась в такси, он незаметно сфотографировал их и тоже поднял руку, чтобы поймать такси.

Апартаменты Урбано находились на третьем этаже в старинном элитном доме на западе Мадрида. Охранник почти-точно кивнул головой футболисту и оценивающе оглядел Викторию. Та в ответ одарила его презрительным взглядом, ей было не по себе – слишком быстро она согласилась поехать в гости к малознакомому мужчине, обычно она такое себе не позволяла, хотя бы потому, что уважала себя.

Но сейчас она понимала, что это в ее интересах – следует уделить больше внимание своему спутнику, чтобы он мог узнать ее поближе. От этой мысли ей стало нехорошо. Чтобы он мог узнать меня поближе... Только вздохнув в эту фразу, укорила она себя и решительно направилась в сторону старинного огромного лифта с красивыми коваными решетками. Она утешала себя мыслью, что любая девушка была бы счастлива оказаться рядом со знаменитостью. Старинный лифт плавно поднимался, мигая ультрасовременными индикаторами, показывающими этажи.

– Ты чем-то похожа на мою бывшую девушку, – вдруг произнес Урбано и ностальгически взглянул на Викторию, что она нашла оскорбительным, к тому же ей показалось, что он смотрит как бы сквозь нее. Будучи из семейства Вайдманов, она моментально обиделась. В другой ситуации она тут же остановила бы лифт и вышла, гневно посмотрев на обидчи-

ка, но сейчас ей приходилось терпеть. Черт возьми, Жуков не позволил бы себе так говорить с ней. Ее лицо в этот момент выражало недоумение, и это было уместным, так как она поймала себя на мысли, что сравнивает Жукова с Урбано. Но вспомнив, что именно Жуков толкнул ее на это мероприятие, она горделиво подняла голову и спокойно вышла из лифта.

Они оказались перед клеткой с закрытой дверью, за которой находилась еще одна дверь. То ли раньше квартира занимала весь этаж, то ли знаменитый футболист выкупил все квартиры на этаже и объединил их, это ей еще предстояло узнать.

Урбано набрал на устройстве рядом с первой дверью код и распахнул ее перед Викторией, затем нажал на звонок. Где то внутри заиграла музыка, напоминающая футбольный горн, звучащий в начале игры. Массивная дубовая дверь отворилась, и появился улыбчивый пожилой мужчина, латиноамериканец, по всей видимости, дворецкий.

– Антонио, – представил его Урбано.

– Биктория, – произнесла свое имя Виктория на испанский манер.

– O! Victoria! Viva la victoria!⁷ – громогласно произнес Антонио, закрывая за ними дверь и демонстрируя радость, но Виктории показалось, что он, возможно, иронизирует, имея в виду, что ей удалось победить знаменитого холостяка. От

⁷ O! Виктория! Да здравствует Виктория (Победа)! (исп.)

таких мыслей стало скверно на душе, и она почти возненавидела старого Антонио.

Апартаменты поражали одновременно величественностью и простотой. В квартире сохранялся старинный дизайн, напоминающий средневековый храм с колоннами, балюстрадами и огромными купидонами на потолке. В тоже время мебель и предметы были выдержаны в минималистском стиле. Такое смешение отнюдь не говорило о плохом вкусе хозяина и не выглядело нелепо. Напротив, это казалось даже забавным.

Но цвета и дизайн интерьера все же говорили о мужском характере. Двери, мягкая мебель и даже сувениры, украшающие пустые столы, были черного и коричневого цвета. Серо-коричневые портьеры закрывали большие окна. Камин в гостиной был отделан коричневым кирпичом, а края очага декорированы черным камнем.

Урбано повел Викторину осматривать помещения. Красивые массивные двери вели в комнаты, в которых, в свою очередь, были еще двери, уводящие в другие пространства звездного жилища. Дворецкий Антонио картинно шел впереди, распахивая двери, а хозяин коротко рассказывал о каждой комнате.

– Здесь, – водил он руками по воздуху, – мы собираемся с друзьями и играем в карты. В комнате стоял большой плетенный журнальный столик зеленоватого цвета, вокруг него – мягкие серые кресла, в углу – большая плазма.

– И смотрите футбольные матчи? – указала Виктория на телевизор, Урбано улыбнулся и кивнул. – Да, моей бывшей подруге никогда не нравилась эта комната, она обычно шумная и задымленная, мои друзья любят покурить, – пояснил он.

«Какое мне дело до твоей бывшей подруги?» – подумала Виктории.

– А мой бывший парень не любил футбол, он предпочитал гольф, – внезапно заявила она, злясь на него. И вообще, ничего особенного кроме роскошной фигуры, звездности, ну, и, конечно, финансового состояния в нем нет. Вот Жуков хоть и был чудаковатым, но всегда находил, о чем с ней говорить. «Опять сравнения!» – теперь она начинала злиться на себя.

– А это мой кабинет, – сказал Урбано, зайдя в следующую комнату. В отличие от других здесь не было ничего кроме дубового стола с многочисленными выдвижными ящиками. Позади большое окно, закрытое темной шторой. Шкафы с музыкальными дисками и книгами, на стенах фотографии многочисленных матчей команды «Реал», какие-то кубки, видимо, полученные на различных футбольных состязаниях, когда он был еще студентом. Разглядывая настенные фото, она обратила внимание на снимок, где Урбано обнимался с известной испанской телеведущей на какой-то звездной тусовке. А вот фотография, где он со знаменитым Пласидо Доминго. А вот еще одна – Урбано, улыбаясь, смотрит

в камеру в обнимку с Рональдо.

– Еще бы Бекхема сюда и была бы полная галерея мировых знаменитостей, – произнесла на русском Виктория. Но Урбано понял ее и рассмеялся в ответ.

– Sí, sí, Beckham! Aquí está!⁸ – воскликнул он радостно и показал на фото в рамке, стоящее чуть дальше. Виктория подошла ближе и увидела, что на нем запечатлен Урбано во фраке рядом с элегантно одетой Викторией Бекхэм на каком-то светском мероприятии.

– Я могу пойти в ясновидящие, если мне не удастся найти свою нишу в жизни, – все также на русском проговорила Виктория.

– Es Victoria también!⁹ – улыбался он, глядя на фото.

– Тамбиен-тамбиен¹⁰, – передразнила она уже в спальне, где они продолжали разглядывать фотоснимки с разных матчей и звездных тусовок, на которых рядом с незнакомыми лицами то и дело мелькали мировые знаменитости. Виктория посмотрела на кровать с балдахином и снова вспомнила Жукова – в московской квартире у него тоже стояла кровать с балдахином.

«Все одинокие мужчины – эгоисты», – подумала она про себя. Дворецкий Антонио с натянутой улыбкой вошел с шампанским в руках и наполнил стоявшие на тумбочке бо-

⁸ Да, да! Бекхэм! Вот она! (исп.).

⁹ Ее тоже зовут Виктория! (исп.).

¹⁰ Русское произношение слова «tambien», обозначающее «тоже».

калы. Артистично поставив бутылку в сосуд со льдом, он галантно ретировался, плотно закрыв за собой двери. Урбано протянул бокал Виктории. Чокнувшись с ней, он бархатным голосом сказал, что рад случаю, который толкнул ее под колеса его машины.

– Не случись этого, мы бы никогда не познакомились! – с чувством произнес он.

– Да, – Виктория опустила глаза, словно бы стесняясь, и улыбнулась, глядя вниз. – Наверно, я так и не поняла бы, что мимо меня едет сам Урбано Манрикес. Но ты действовал решительно – наехал на меня, благо, что не убил! – и оба рассмеялись.

– Но ты во время очнулась, чтобы вспомнить о своей сумке! – Урбано глядел на нее нежно, как будто вспоминал не о несчастном случае, а романтическую поездку в Париж. Впрочем, романтический ужин в одном из мадридских ресторанов с французской кухней оказался ничем не хуже.

Урбано подошел к тумбочке рядом кроватью и открыл ящичек. Вынув небольшой сверток, он подал его Виктории. Она недоуменно посмотрела на него.

– Раскрой, – попросил он. Виктория открыла сверток, там оказался клатч из крокодиловой кожи Nancy Gonzales бирюзового цвета.

– Вчера в Лас Розас Вилладж я вспомнил вдруг о твоей сумке, которую тогда я все же успел подобрать. И подумал, что должен как-то искупить свою вину и что эта сумочка

должна тебе понравиться, – он стоял смущенно, как молодой человек, который впервые на свидании дарит девушке цветы. Виктории стало даже как-то не по себе. Это было так неожиданно и, можно сказать, трогательно. Значит, все это время он думал о ней. Только вот вопрос – почему он не взял клатч в ресторан и не вручил там, как будто знал, что они приедут к нему.

Настроение Виктории немного испортилось. Ей вовсе не хотелось оказаться девушкой, о которой заранее знают, что она проведет весь вечер и ночь с мужчиной, который приглашает ее на свидание.

– А почему ты не звонил мне все эти дни? – вдруг задала вопрос Виктория. Урбано продолжал смотреть на нее:

– Я не знал, как поступить. Ты была немного резкой тогда, я бы сказал заносчивой, а я не хотел выглядеть наглым – вроде как знаменитость я смело могу звонить тебе и предлагать встречу. Ты бы подумала, что я чересчур самоуверен. Конечно, ты могла не узнать меня, но твой брат наверняка все понял, когда получил мою визитку и рассказал обо мне.

– А я думала, стоит ли тебе звонить и предлагать встретиться только потому, что мы познакомились при странных обстоятельствах... и потому, что ты знаменитость... – задумчиво ответила Виктория.

– Как бы то ни было, мы встретились снова...

Виктория отпила шампанского и, разглядывая сумочку, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.